

Уральский юридический институт
МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Сборник научных трудов

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

2021

**Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»**

Кафедра конституционного права

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Сборник научных трудов

Электронное издание

**Екатеринбург
2021**

ББК 67.400
А437

Актуальные проблемы конституционного права: сборник научных трудов [Электронное издание] / под ред. А. В. Гусева. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021. – Электрон. дан. (1,3 Мб). – 1 электрон. опт. диск. – Систем. требования: процессор 300 МГц и выше, 512 Мб; CD/DVD-ROM; Microsoft Windows XP и выше; Adobe Reader 9.

ISBN 978-5-88437-815-5

Редакционная коллегия

Председатель

А. В. Гусев, начальника кафедры конституционного права УрЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Заместитель председателя

А. В. Крысанов, доцент кафедры конституционного права УрЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

А. В. Андреев, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин УрЮИ МВД России, кандидат юридических наук;

К. И. Корсун, преподаватель кафедры конституционного права УрЮИ МВД России.

Ответственный секретарь

И. В. Исакова, старший преподаватель кафедры конституционного права УрЮИ МВД России.

Сборник научных трудов «Актуальные проблемы конституционного права» посвящен вопросам развития конституционно-правовой мысли в контексте новых векторов государственного строительства в России. Сборник содержит статьи ученых-правоведов, научно-педагогического состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников территориальных органов МВД России и иных правоохранительных органов, представителей органов государственной власти, органов местного самоуправления по актуальным вопросам государственно-правового развития. Направлен на формирование профессиональных компетенций в области научно-исследовательской деятельности обучающихся.

Издание представляет интерес для широкого круга читателей, курсантов, студентов и слушателей, аспирантов и адъюнктов, преподавателей и сотрудников правоохранительных органов.

Обсужден на заседании кафедры конституционного права УрЮИ МВД России (протокол № 7 от 17 июня 2021 г.).

ISBN № 978-5-88437-815-5

ББК 67.400

© Коллектив авторов, 2021

© Уральский юридический институт МВД России, 2021

*Гусев Андрей Владимирович,
начальник кафедры конституционного права
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: gusev.1983.av@mail.ru*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЮРИСДИКЦИОННОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализ конституционного законодательства, раскрывающего юрисдикционный статус иностранных граждан и лиц без гражданства, а также доктринальных позиций современных ученых-конституционалистов свидетельствует о недостаточности правового регулирования в исследуемой сфере. Учет факторов, препятствующих социальной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации, по мнению автора, обуславливает сложность использования ими юридического механизма обеспечения гарантированных прав и свобод.

Ключевые слова: иностранный гражданин, конституционный статус иностранцев, юрисдикционный статус.

*Gusev Andrey Vladimirovich,
Head of the Department of Constitutional Law,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Candidate of Law, Associate Professor*

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE JURISDICTIONAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

An analysis of the constitutional legislation revealing the jurisdictional status of foreign citizens and stateless persons, as well as the doctrinal positions of modern scientists-constitutionalists, testifies to the lack of legal regulation in the area under study. Taking into account the factors that hinder the social adaptation of foreign citizens in the Russian Federation, according to the author, makes it difficult for them to use the legal mechanism for ensuring guaranteed rights and freedoms.

Key words: foreign citizen, constitutional status of foreigners, jurisdictional status.

Обеспечение прав иностранных граждан при расследовании уголовных дел во многом определяется особенностями их правового положения. Эти особенности заключаются, во-первых, в том, что оно регулируется как нормами международного права, так и национальным законодательством, в первую оче-

редь нормами конституционного права. Во-вторых, их правовое положение определяется наличием специфического правового режима, предоставляемого страной пребывания.

В свою очередь, основное содержание правового положения иностранных граждан определяется, прежде всего, правами и обязанностями, которые находятся во взаимосвязи с другими элементами правового положения: гражданством, принципами правового статуса, гарантиями статуса личности, интересами, охраняемыми законом, ответственностью.

В соответствии с положением ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации¹, иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

Так, например, Судебной коллегией по уголовным делам Приморского краевого суда было отказано в удовлетворении апелляционной жалобы гражданки КНР Ч. В ней подозреваемая Ч. не согласна с постановлением суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, просит отменить и избрать меру пресечения, не связанную с лишением свободы. Дознаватель при обращении в суд с ходатайством в обоснование своей позиции указал, что Ч. является гражданином другого государства, постоянное место жительства на территории РФ отсутствует, и въезд на территорию РФ ей не разрешен на основании п. 1 ст. 27 ФЗ № 114 от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» (угроза безопасности РФ). В свою очередь, Ч. ссылается на то, что имеет заграничный паспорт и как турист планировала приехать на четыре дня в г. Уссурийск, на время следствия никуда скрываться не собирается и обязуется проживать по адресу: ... Судебная коллегия не установила оснований для избрания более мягкой меры пресечения, не связанной с лишением свободы².

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод, что с точки зрения конституционного регулирования правовой статус иностранных граждан идентичен статусу российских граждан до тех пор, пока законом или международным договором не установлено иное.

Не затрагивая вопрос об иностранных гражданах, обладающих дипломатическим иммунитетом, необходимо отметить, что Уголовно-процессуальный

---

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).

² Апелляционное определение Приморского краевого суда от 15 марта 2013 г. № 22-889 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 13.05.2021).

кодекс также не делает принципиального различия между иностранными гражданами и гражданами Российской Федерации. Данные категории лиц могут выступать в уголовном процессе в качестве потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства.

Однако, несмотря на вышеизложенное, особый правовой статус иностранных граждан оказывает существенное влияние на расследование уголовных дел, в которых в качестве лиц, обладающих процессуальным статусом, участвуют иностранцы. Так, особую роль в таком случае играют следующие процессуальные особенности, характеризующие особый правовой статус иностранцев на территории Российской Федерации:

1) особый предмет доказывания, который направлен на дополнительную характеристику личности иностранного гражданина (его правовой статус, законность пребывания на территории Российской Федерации, сроки пребывания, цель, уровень владения русским языком и т. д.);

2) необходимость привлечения большого количество органов государственной власти и иных органов и организаций, необходимого в целях обеспечения взаимодействия в уголовно-правовой и миграционной сферах;

3) особый порядок применения к иностранным гражданам мер пресечения и иных мер процессуального принуждения;

4) необходимость взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств;

5) увеличение сроков расследования;

б) дополнительные механизмы обеспечения прав и интересов иностранных граждан.

Несмотря на вышеизложенное, в судебной практике имеются примеры расследования уголовных дел с участием иностранных граждан, в рамках которых лицами, осуществляющими предварительное расследование, не были в достаточной степени учтены вышеуказанные процессуальные особенности¹.

С точки зрения достижения целей данного исследования представляет интерес анализ отдельных элементов понятийного аппарата, используемого российским законодательством в данной сфере.

Связывая понятия «преступления» и «иностранные граждане», российское уголовно-процессуальное законодательство придерживается следующих

---

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 12.02.2010 г. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).

формулировок. Например, в п. 1 ст. 3 УПК РФ¹ говорится о преступлениях «совершённых иностранными гражданами». А ст. 458 УПК РФ звучит следующим образом: «В случае совершения преступления на территории Российской Федерации иностранным гражданином, впоследствии оказавшимся за ее пределами, и невозможности производства процессуальных действий с его участием на территории Российской Федерации все материалы возбужденного и расследуемого уголовного дела передаются в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, которая решает вопрос об их направлении в компетентные органы иностранного государства для осуществления уголовного преследования».

Аналогичные положения содержит и статья 459 УПК РФ: «Запрос компетентного органа иностранного государства об осуществлении уголовного преследования в отношении гражданина Российской Федерации, совершившего преступление на территории иностранного государства и возвратившегося в Российскую Федерацию, рассматривается Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Предварительное расследование и судебное разбирательство в таких случаях производятся в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Необходимо отметить, что процедура уголовного судопроизводства в РФ в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства с участием переводчика нуждается в существенном совершенствовании.

Статья 19 Конституции Российской Федерации закрепила равенство всех перед законом и судом, а также прямой запрет на какую бы то ни было дискриминацию по признакам пола, расы, национальности, языка и других обстоятельств. Кроме того, в ч. 2 ст. 26 Конституции РФ сказано, что каждый имеет право на пользование родным языком на территории Российской Федерации. Эти конституционные положения находят свое отражение и развитие в положениях Уголовно-процессуального кодекса РФ. Частью 2 ст. 18 УПК РФ предусмотрено, что «участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика».

Так, уголовное дело Махмадиева И. Р., было возвращено прокурору на основании ст. 237 ч. 1 п. 2 УПК РФ в связи с тем, что обвиняемому Махмадиеву

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).

И. Р., не владеющему языком уголовного судопроизводства, не вручено обвинительное заключение на родном языке¹.

Однако в уголовно-процессуальном законе не определены требования к компетенции и квалификации лица, привлекаемого в качестве переводчика, а также недостаточно урегулирован круг прав и обязанностей, касающихся участия в уголовном судопроизводстве.

Частью 1 ст. 59 УПК РФ установлено, что переводчик должен свободно владеть языком, знание которого необходимо для перевода. Однако не указано, на основании каких документов лицо, осуществляющее предварительное расследование (уголовное судопроизводство), может убедиться в этом и подлинно установить достаточную компетенцию потенциального переводчика.

Частью 5 ст. 164 УПК РФ установлено дополнительное требование к следователю о необходимости удостовериться в личности лиц, привлекаемых к участию в следственных действиях, что, безусловно касается и переводчика. Однако этого, на наш взгляд, недостаточно.

Следует отметить, что следователи и дознаватели при расследовании уголовных дел с участием иностранных граждан осуществляют выбор переводчика, основываясь исключительно на своих субъективных представлениях о его профессионализме. По нашему мнению, лицо должно обладать навыками не только разговорной речи, но и уметь делать качественный литературный перевод, уметь понятно и точно объяснять значение юридических терминов и смысла происходящих следственных действий. Таким образом, указанные нормы, обязывающие следователя (дознавателя), суд удостовериться в компетентности переводчика, несовершенно, вследствие чего не всегда действуют в полной мере.

Исходя из положений норм Конституции РФ о равенстве предоставляемых государством прав и обязанностей как гражданину Российской Федерации, так и иностранному гражданину, а также анализа ч. 3 ст. 161 УПК РФ, мы можем говорить о том, что никакая информация, вне зависимости от ее значимости для уголовного дела, если она затрагивает частную жизнь участников уголовного судопроизводства, не может быть разглашена без их согласия. При этом ч. 2 этой же статьи вполне определенно предусматривает уголовную ответственность в соответствии со ст. 310 УК РФ в случае неисполнения требований данной нормы, поэтому, на наш взгляд, морально-этическая сторона выбора переводчика отпадает.

---

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 12 февраля 2010 г. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).

В целях решения проблемы выбора переводчика для иностранного гражданина С. А. Хмелев выражает мнение о необходимости создания в системе территориальных органов внутренних дел по субъектам Российской Федерации штатных отделений переводчиков, в совершенстве владеющих языками основных языковых групп¹.

Также современными исследователями высказывается предложение о создании реестра судебных переводчиков, который содержал бы в себе сведения о профессиональных аккредитованных переводчиках, которые, исходя из уровня их профессиональной компетенции, могут участвовать в качестве переводчика в рамках уголовного судопроизводства. На наш взгляд, следует поддержать данную инициативу, так как это позволило бы вывести вопрос обеспечения прав иностранных граждан пользоваться родным языком при осуществлении уголовного судопроизводства на качественно новый уровень, с той лишь оговоркой, что такой реестр должен быть доступен для всех лиц, имеющих право на назначение переводчика в уголовном судопроизводстве.

Необходимо отметить, что возможность контактировать с защитником (адвокатом), представителями, иными участниками уголовного судопроизводства, а также пользоваться иными способами защиты своих прав у иностранного лица в достаточной степени ограничена. Это обусловлено как объективными, так и субъективными факторами.

В первую очередь, необходимо учитывать, что иностранные граждане, как правило, плохо адаптированы для проживания в нашей стране и нахождения на ее территории в целом. Как следствие, иностранец не способен в полной мере воспользоваться теми правами, которые дает ему его правовой статус, отсюда возникает сложность использования юридического механизма обеспечения его гарантированных прав и свобод.

Решение данной проблемы, на наш взгляд, не может заключаться во внесении изменений в нормативные правовые акты, а должно реализовать комплексный подход, сочетающий меры социального, культурного, экономического и правового воздействия. Однако полное и всестороннее изучение данного направления должно являться темой отдельного исследования.

В литературе обсуждается необходимость реформирования сложившегося подхода к регулированию вопросов, связанных с правовой и иной помощью, оказываемой иностранным гражданам их государством гражданской принадлежности, в том числе через консульские учреждения. Одни авторы склоняются

---

¹ См.: Хмелев С. А. Особенности расследования преступлений, совершаемых в отношении иностранных граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 47.

к необходимости нормативного закрепления (в УПК РФ) обязанности лица, осуществляющего расследование, взаимодействовать с сотрудниками консульских учреждений государства принадлежности иностранных граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, тем самым принуждая законодателя дублировать нормы международных договоров, заключенных от имени Российской Федерации по вопросам консульских сношений. Другие высказывают предложения вплоть до отмены действия таких двусторонних международных договоров и выведения их из источников международного права, указанных в ст. 15 Конституции РФ¹. Подобные подходы к решению указанной проблемы представляются спорными.

В связи с чем, считаем необходимым отметить, что порядок оказания иностранному гражданину содействия в реализации его прав в рамках осуществления уголовно-процессуальных действий уже урегулирован нормами международного права, которые, в соответствии со ст. 15 Конституции имеют безусловный приоритет над действующим законодательством. А учитывая, что ст. 15 Конституции относится к основам конституционного строя Российской Федерации и не может быть пересмотрена без разработки и принятия новой Конституции, подобные предложения вряд ли найдут отклик у современного российского общества.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что правовой статус иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, имеет значительные отличия от правового статуса граждан РФ. Исходя из учета этих различий, существует ряд особенностей производства процессуальных действий при расследовании уголовных дел с участием иностранцев. Однако должностными лицами органов, осуществляющих предварительное расследование, данные обстоятельства не всегда учитываются в полном объеме.

Кроме того, выделен ряд факторов, препятствующих социальной адаптации иностранных граждан в РФ, что в конечном итоге ведет к тому, что иностранец может быть не способен в полной мере воспользоваться теми правами, которые дает ему его особый правовой статус, чем обусловлена сложность использования им юридического механизма обеспечения гарантированных прав и

---

¹ См.: *Шестакова Т. Д.* Об участии иностранных граждан и лиц без гражданства в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. С. 205–207; *Шестакова Т. Д.* Некоторые проблемы участия иностранных граждан и лиц без гражданства в российском уголовном судопроизводстве // Вестник ТГУПБП. 2011. № 2. С. 28–34; *Жукова Н. А.* Производство по уголовным делам с участием иностранных граждан в досудебных стадиях в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. 186 с.

свобод. Все эти обстоятельства, на наш взгляд, должны учитываться при расследовании уголовных дел с участием иностранных граждан.

Список литературы

1. Жукова Н. А. Производство по уголовным делам с участием иностранных граждан в досудебных стадиях в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Жукова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. – 186 с.

2. Хмелев С. А. Особенности расследования преступлений, совершаемых в отношении иностранных граждан: дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Хмелев. – Волгоград, 2000.

3. Шестакова Т. Д. Некоторые проблемы участия иностранных граждан и лиц без гражданства в российском уголовном судопроизводстве / Т. Д. Шестакова // Вестник ТГУПБП. – 2011. – № 2. – С. 28–34.

4. Шестакова Т. Д. Об участии иностранных граждан и лиц без гражданства в уголовном судопроизводстве / Т. Д. Шестакова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – С. 205–207.

Бабченко Юрий Андреевич
курсант Уральского юридического института МВД России
e-mail: olimpia99@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МВД РОССИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

На современном этапе сложность рассмотрения дел об административном правонарушении только возрастает ввиду появления более новых способов совершения правонарушения. В целях снижения уровня совершения административных правонарушений возрастает необходимость в международном сотрудничестве, что на данный момент является пробелом в деятельности МВД России.

Ключевые слова: международное сотрудничество, административное правонарушение, правовая помощь, типовые соглашения, КоАП РФ.

Babchenko Yuri Andreevich
cadet of the Ural Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia

INTERNATIONAL COOPERATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA: TOPICAL PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

At the present stage, the complexity of considering cases of an administrative offense is only increasing due to the emergence of newer methods of committing an offense. In order to reduce the level of committing administrative offenses, the need for international cooperation is increasing, which is currently a gap in the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Key words: international cooperation, administrative offense, legal assistance, model agreements, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Актуальность темы обусловлена тем, что важным направлением совершенствования международного правопорядка является развитие форм международного сотрудничества в борьбе как с преступностью, так и с административными правонарушениями. Глава МВД России Владимир Колокольцев, выступая на встрече с послами иностранных государств, отметил, что МВД РФ развивает отношения с другими государствами в сфере раскрытия,

расследования и предупреждения преступлений и административных правонарушений¹.

Международное сотрудничество государств основывается на двух составляющих: 1) главенство права при обеспечении международного правопорядка; 2) уверенность государств-участников во взаимности при взаимодействии², отраженных в Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г. «О добросовестном выполнении международных обязательств»³. Этот нормативный правовой акт обеспечивает устойчивость, продуктивность международного правопорядка, а также административной юрисдикции⁴.

Международное сотрудничество в сфере правоохранительной деятельности – это взаимосвязанная деятельность правоохранительных органов различных государств по решению общих вопросов в сфере раскрытия, расследования и предупреждения преступлений и правонарушений⁵.

Административные правонарушения становятся все большей проблемой для мирового сообщества⁶:

– во-первых, правонарушения существуют не в одном конкретном государстве, а возникают во всех странах и проявляются с разным уровнем общественной опасности. Поэтому в решении такой проблемы заинтересованы абсолютно все;

– во-вторых, с каждым годом количество составов административных правонарушений международного уровня (например, незаконное пересечение границы и т. п.) увеличивается, поэтому борьба с такими административными правонарушениями требует слаженности совместных действий.

Основными направлениями международного взаимодействия в раскрытии и расследовании административных правонарушений являются:

1) обмен информацией, в том числе оперативной, правовой;

---

¹ См.: Выступление В. Колокольцева на встрече с послами иностранных государств [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/news/item/16738194/> (дата обращения: 02.05.2021).

² См.: *Каламкарян Р. А.* Господство права в международных отношениях. М.: Наука, 2004. С. 76.

³ Венская Конвенция о праве международных договоров: заключена в Вене 23 мая 1969 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.04.2021).

⁴ См.: *Саркисов О. Р.* Международное сотрудничество органов внутренних дел: правовое регулирование, практика взаимодействия // Вестник экономики, права и социологии. 2016. С. 120–123.

⁵ См.: *Громова О. Н.* Основные направления конвенционного сотрудничества государств – участников СНГ в сфере правоохранительной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/> (дата обращения: 10.05.2021).

⁶ Международное сотрудничество МВД России [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Publikacii_i_vistuplenija/item/156697 (дата обращения: 20.06.2021).

- 2) исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- 3) оказание правовой помощи по административным делам;
- 4) официальная выдача иностранных лиц для привлечения их к административной ответственности (экстрадиция);
- 5) оформление норм международного уровня обязательного либо вспомогательного характера в сфере охраны правопорядка;
- 6) признание и исполнение решений компетентных органов иностранных государств по административным делам;
- 7) проведение международных научных мероприятий, направленных на определение проблемных вопросов, и способ решения таких проблем;
- 8) заключение соглашений о сотрудничестве в правоохранительной деятельности;
- 9) оказание материальной, технической и экспертной помощи (подготовка и повышение квалификации кадров и т. п.) по административным правонарушениям.

Руководство МВД России уделяет большое внимание вопросам совершенствования участия органов внутренних дел в международном сотрудничестве, в частности, была утверждена концепция развития международных связей МВД России. Проведя анализ вышеуказанной Концепции, мы пришли к выводу, что ключевым направлением является прогресс в отношениях между государствами – участниками СНГ.

Для более качественного восприятия информации необходимо проанализировать значение понятия «правовая помощь по делам об административных правонарушениях». Проблема заключается в том, что в отечественном законодательстве такое понятие не закреплено. Наиболее близким к нему является понятие международной правовой помощи¹.

Международное полицейское сотрудничество – это взаимодействие между государствами в правоохранительной сфере с целью борьбы с преступностью и оказания правовой помощи по административным правонарушениям.

Положения о правовой помощи по делам об административных правонарушениях регламентированы гл. 29.1 КоАП РФ, где сказано, что в случае необходимости проведения процессуальных действий вне территории РФ должно-

---

¹ См.: *Волченко Т. И.* О совершенствовании административно-правового механизма международного сотрудничества таможенных органов Российской Федерации при производстве по делам об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. URL: <http://отрасли-права.рф/article/2567> (дата обращения: 07.05.2021).

стное лицо направляет запрос о правовой помощи. Основанием для подготовки международных запросов являются:

- 1) необходимость получения доказательств от иностранного государства;
- 2) наличие правовой базы сотрудничества с правоохранительными органами зарубежных стран и международными правоохранительными организациями.

Еще одним направлением правовой помощи международного сотрудничества МВД России по административным делам можно назвать типовые соглашения между ФНС России и компетентным органом иностранного государства об автоматическом обмене, утвержденные Постановлением Правительства РФ «О заключении соглашений об обмене информацией по налоговым делам» от 21 февраля 2018 г. № 184 о финансовой информации и государственных отчетах.

Проведя анализ по проблематике, мы можем сформулировать следующие выводы:

1. МВД России является ключевым субъектом по международному сотрудничеству по административным делам. МВД России организует свою деятельность в двух формах:

- а) конвенционная – заключение договоров;
- б) институциональная – международные организации.

2. Сотрудничество со странами СНГ осуществляется в более интенсивной форме, чем с другими государствами. Основным органом по обеспечению взаимопомощи между этими странами является Совет министров внутренних дел государств-участников СНГ, осуществляющий разрешение наиболее проблемных вопросов¹.

Международное сотрудничество в сфере оказания правовой помощи регламентируется ведомственными актами в Федеральной службе безопасности России, Федеральной таможенной службе (ФТС) и в других органах. Но при этом следует отметить, что в системе МВД России отсутствует нормативно-правовой акт, регламентирующий взаимодействие на международном уровне по делам об административных правонарушениях, что создает определенную проблему в административно-процессуальных отношениях.

При этом отсутствует четко прописанный механизм, основанный на законодательной основе, при оказании правовой помощи в ходе международного сотрудничества по административным делам в системе МВД.

---

¹ О развитии сотрудничества в рамках Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/o-razvitii-sotrudnicestva-v-ramkah-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv> (дата обращения: 20.04.2021)/

Таким образом, назрела необходимость принятия Федерального закона, регулирующего взаимодействие на международном уровне по делам об административных правонарушениях.

Считаем, что необходима разработка и принятие проекта, а в дальнейшем утверждение Президентом Типового положения «О взаимодействии по делам об административных правонарушениях в рамках международного сотрудничества МВД России», где последовательно должны быть сформулированы положения по реализации взаимодействия на международном уровне по делам об административных правонарушениях, направление запросов, их рассмотрение в установленные сроки и своевременное исполнение административного наказания, прежде всего, в виде административных штрафов.

На основе проведенного анализа представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Для обеспечения продуктивного взаимодействия по делам об административных правонарушениях необходимо формирование единообразного порядка подготовки и направления запросов и принятие Типового положения «О взаимодействии по делам об административных правонарушениях в рамках международного сотрудничества МВД России».

2. Необходимо разработать Положение о порядке подготовки и направления запросов о правовой помощи по делам об административных правонарушениях.

3. Запросы о правовой помощи по делам об административных правонарушениях направляются исключительно в рамках правоохранительной деятельности МВД России.

4. Запрос оформляется с целью получения необходимых доказательств по делу либо для проведения процессуальных действий с лицами, находящимися за пределами РФ.

5. Для принятия Положения о порядке подготовки и направления запросов необходимо разработать примерную структуру Положения.

Таким образом, правовое регулирование международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами зарубежных государств представляет собой сложный и трудоемкий процесс формулирования правовых норм, согласования, подготовки к ратификации (при необходимости) и подписания международных актов. Принятие решений по вышеуказанным выводам поспособствует повышению продуктивности при производстве по делам об административных правонарушениях.

Список литературы

1. *Волченко Т. И.* О совершенствовании административно-правового механизма международного сотрудничества таможенных органов Российской Федерации при производстве по делам об административных правонарушениях [Электронный ресурс] / Т. М. Волченко. – URL: <http://отрасли-права.рф/article/2567> (дата обращения: 07.05.2021).

2. *Громова О. Н.* Основные направления конвенционного сотрудничества государств-участников СНГ в сфере правоохранительной деятельности [Электронный ресурс] / О. Н. Громова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/> (дата обращения: 10.05.2021).

3. *Каламкарян Р. А.* Господство права в международных отношениях / Р. А. Каламкарян. – Москва: Наука, 2004.

4. *Саркисов О. Р.* Международное сотрудничество органов внутренних дел: правовое регулирование, практика взаимодействия / О. Р. Саркисов // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – С. 120–123.

*Мустафин Динар Хасянович,
слушатель Академии управления МВД России
e-mail: dmustafin3@mvd.ru*

**ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ
ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ
ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ**

Одной из основных целей общественного контроля является стимулирование государства к непрерывному развитию административных механизмов, а также постоянный надзор за тем, чтобы деятельность объектов общественного контроля осуществлялась в полном соответствии с законами и подзаконными актами. На основе проведенного анализа автором делается ряд выводов об эффективности обеспечения общественных интересов в сфере конституционных прав и свобод в результате осуществления гражданского контроля.

Ключевые слова: гражданский контроль, конституционные права и свободы, органы публичной власти.

*Mustafin Dinar Khasyanovich,
Student of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

**CIVIL CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES
IN THE FIELD OF ENSURING CONSTITUTIONAL HUMAN
AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN RUSSIA**

One of the main goals of public control is to stimulate the state to the continuous development of administrative mechanisms, as well as constant supervision to ensure that the activities of objects of public control are carried out in full compliance with laws and regulations. Based on the analysis, the author draws a number of conclusions about the effectiveness of ensuring public interests in the field of constitutional rights and freedoms as a result of civil control.

Key words: civil control, constitutional rights and freedoms, public authorities.

В последнее время не умолкают дискуссии по поводу осуществления гражданского (общественного) контроля, который адекватно вписался в структуру демократически развивающегося российского общества. В связи с этим не приходится сомневаться в актуальности научного исследования, касающегося

проблем гражданского (общественного) контроля за деятельностью органов публичной власти в сфере обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Обращаясь к научным работам правоведов, можно выделить следующие виды контроля: социальный, государственный, гражданский, общественный.

Понятие «социальный контроль» чаще всего применяется в целях обозначения совокупности средств и приемов, при помощи которых общество определяет поведение членов социума, опираясь на установленные нормы и ценности.

Кроме того, важным является тот факт, что изучением проблемы социального контроля занимались сторонники марксизма-ленинизма. Так, В. И. Ленин обосновал необходимость социального контроля во всех сферах общественной жизни, разработал принципы его организации и деятельности. Именно идеи В. И. Ленина стали базисом для дальнейших исследований в области социального контроля.

В советский период социальный контроль понимался обществом как существование в органах государства институтов представительной власти, общественных институтов. Все же приоритетным видом контроля на тот период времени считался государственный контроль. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в советское время сложились особые общественные отношения, особое место и роль отводилось государственному аппарату.

Считаем недопустимым отождествлять категории «социальный контроль» и «общественный контроль». Несмотря на то, что «социум» и «общество» являются тождественными категориями, однако социальный контроль является более широкой категорией. Это обусловлено тем, что социальный контроль имеет два направления своей реализации: общественный контроль и государственный контроль.

Нельзя не согласиться с тем, что государственный контроль выполняет важнейшие функции в жизни общества, занимая в нем главенствующую роль и в некоторых аспектах выступая в качестве наиболее эффективной формы осуществления контроля. Тем не менее, общество и его институты могут также достаточно эффективно осуществлять отдельные проверочные мероприятия в отношении объектов контроля, имея в отношении деятельности органов публичной власти объективную оценочную позицию.

Понятие «гражданский контроль» также нередко можно встретить в трудах исследователей в рассматриваемой сфере. По их мнению, «гражданский контроль» – это либо система государственных и общественных институтов, осуществляющих контроль за деятельностью государственного аппарата в це-

лом или его отдельными элементами, либо контроль отдельных граждан за деятельностью государственных органов и должностных лиц¹.

Гражданский контроль нередко соотносят с общественным контролем, однако данные категории также нельзя в полной мере отождествлять. Ключевой категорией гражданского общества является «гражданин», который позиционируется в качестве субъекта осуществления как гражданского, так и общественного контроля. Однако, с другой стороны, данная смысловая цепочка не имеет правового закрепления, а потому и не может быть основанием приравнивания данных категорий.

Идеальная модель гражданского общества представляет собой такую форму организации жизнедеятельности людей, при которой государство подчиняется интересам населения, имеющего устойчивую правовую связь с данным государством. Только при условии наличия экономически и политически свободного общества представляется возможной реализация эффективного и независимого контроля над работой органов государственной власти. В противном случае институт общественного контроля не имеет никакого смысла.

Гражданский контроль на данный момент все еще является продуктом общественного развития. Осуществляется поступательный процесс его доктринальной и политической легитимизации. С одной стороны, субъекты гражданского контроля должны руководствоваться принципом «разрешено все, что не запрещено», однако пределы их деятельности также должны быть четко определены.

Говоря о принципах осуществления гражданского контроля, стоит упомянуть, что в данный период взаимообусловленная, законодательно закрепленная совокупность принципов все еще отсутствует, что вполне может породить конфликтные ситуации.

Стоит отметить, что с каждым годом увеличивается разнообразие форм обратной связи органов публичной власти и общества. Активно внедряется практика работы телефонов доверия, реализуются линии прямой связи и онлайн конференций, электронные формы обращений граждан, блоги, отзывные странички в социальных сетях, однако единого упорядоченного закрепления обратной связи нет.

---

¹ См.: *Зубарев С. М.* Участие граждан в общественном контроле за деятельностью государственного аппарата: новые законодательные гарантии // *Административное право и процесс.* 2013. № 4. С. 20–25; *Десятых П. В.* Организация и правовое обеспечение общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 13.

Таким образом, общественный контроль и гражданский контроль зачастую отождествляются, однако сохраняется дискуссионность по данному вопросу в доктрине конституционного права. Общественный контроль может быть выстроен только в обществе, в рамках которого отсутствует императивное регулирование общественной жизни и предоставлена свобода экономической и политической жизни граждан.

Список литературы

1. *Десятых П. В.* Организация и правовое обеспечение общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Десятых. – Москва, 2014.
2. *Зубарев С. М.* Участие граждан в общественном контроле за деятельностью государственного аппарата: новые законодательные гарантии / С. М. Зубарев // Административное право и процесс. – 2013. – № 4. – С. 20–25.

*Ерыгина Виктория Ивановна,
доцент кафедры менеджмента общего и профессионального
образования Белгородского института развития образования,
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: erygina@list.ru*

**ВЫЯВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ТРАДИЦИЙ В ТЕОРИИ
И ПРАКТИКЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА**

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия депутата и избирателей посредством реализации модели ответственности депутата перед партией, которая выдвинула его кандидатуру на выборах и, соответственно, имеет право лишить его мандата в случае отступления от партийной дисциплины. В результате анализа имеющихся концепций народного представительства автором обоснована необходимость на муниципальном уровне представительства заменить свободный депутатский мандат на императивный, предусматривающий повышение депутатской ответственности перед гражданами.

Ключевые слова: депутат представительного органа, политическая партия, народное представительство, депутатский мандат.

*Erygina Victoria Ivanovna,
Associate Professor of the Department
of Management of General and Vocational Education,
Belgorod Institute for the Development of Education,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor*

**REVEALING PARLIAMENTARY TRADITIONS IN
THE THEORY AND PRACTICE OF REGULATING RELATIONS
IN THE SPHERE OF PEOPLE'S REPRESENTATION**

The article examines the issues of interaction between the deputy and the voters through the implementation of the model of responsibility of the deputy to the party that nominated him for election and, accordingly, has the right to deprive him of his mandate in case of deviation from party discipline. As a result of an analysis of the existing concepts of people's representation, the author substantiated the need at the municipal level of representation to replace the free deputy mandate with an imperative one, which provides for an increase in deputy responsibility to citizens.

Key words: deputy of a representative body, political party, representation of the people, deputy mandate.

Современное законодательство и конституционно-правовая наука в принципе восприняли отдельные положения социалистической теории народного представительства, в частности, вопрос о представительной природе депутатского мандата и систематическом переизбрании депутатов по воле избирателей. Однако важнейшие вопросы об ответственности депутатов и возможности их отзыва не нашли существенной поддержки и, соответственно, отражения в отечественной литературе и парламентском праве за последние 25 лет, т. е. за период действия Конституции РФ 1993 г. На смену теории императивного мандата пришла концепция свободного мандата, которая не обязывает избранника общаться со своими избирателями, т. е. никакой зависимости депутата от народных масс нет, за исключением угрозы не быть избранным на следующих выборах. В результате народ никак не может повлиять на того депутата, который не выполняет свои обещания¹, нарушает парламентскую дисциплину и не оправдывает доверие избирателей. В отличие от ряда конституций зарубежных стран, которые прямо определяют суть конституционно-правового содержания депутатского мандата и закрепляют принципы депутатского мандата: выборности, представительства, несвязанности депутата наказами и поручениями при исполнении им своих обязанностей, неответственности депутата за выраженное им мнение и голосование при осуществлении мандата, Конституция Российской Федерации не закрепляет принципы взаимоотношений депутата и избирателей, неприкосновенности при выражении мнений и голосовании во время осуществления депутатом своих функций, принципы избирательного права, определяющие порядок выборов депутатов Государственной Думы, и др.²

Поскольку отношения между депутатами и избирателями почти не урегулированы нормативно-правовыми актами, избранник народа руководствуется не только нормами права, но и неправовыми нормами: традициями, обычаями, нормами морали, практикой. Многие традиции общения с избирателями восприняты парламентской практикой с советских времен, в частности, неформальное, неправовое взаимодействие. Так, наряду с юридическими мерами ответственности в СССР были предусмотрены меры моральной ответственности, проявлявшиеся в осуждении поведения депутата, в критике его деятельности избирателями. Свои взыскания на депутатов могли также налагать вплоть до исключения общественные организации, их органы на основании положений,

---

¹ См. подробнее: *Ерыгина В. И.* Теоретические проблемы ответственности политических партий за предвыборные обещания // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 11. С. 6–11.

² См.: *Фадеев В. И.* Депутатский мандат: понятие, принципы и виды // Сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева. Т. 1. М., 2015. С. 904–906.

предусмотренных их уставами. В отношении плохо работающих руководителей исполкомов применялась управленческая ответственность, т. е. ответственность за деятельность, находящуюся в рамках, регулируемых государственным, административным и трудовым правом. Данная ответственность реализовывалась по линии «вертикального» подчинения, т. е. вышестоящими органами государственного управления. Кроме того, допускалось привлечение депутата к партийной ответственности, если он являлся членом или кандидатом в члены КПСС¹.

В научной литературе предлагается новая модель взаимоотношений депутата и избирателей – партийный либо партийный императивный мандат, который подразумевает ответственность депутата перед партией, которая выдвинула его кандидатуру на выборах и, соответственно, имеет право лишить его мандата в случае отступления от партийной дисциплины. Хотя российское законодательство не предоставляет права политическим партиям напрямую отзывать депутатов, тем не менее институт партийной дисциплины заставляет депутата голосовать вопреки своим убеждениям, способствует превращению его из самостоятельного субъекта государственно-правовых отношений в послушного воле лидера политической партии функционера, лишённого возможности действовать свободно.

Что касается обязанности депутата, выдвинутого политической партией, придерживаться в своей деятельности программы партии, то эта обязанность (как и ответственность за ее неисполнение) федеральными законами не закреплена и носит, по обоснованному замечанию В. А. Черепанова, скорее нравственный, чем юридический характер².

В советской литературе была уже рассмотрена политическая ответственность депутатов и представительных органов перед партиями, которые могут быть инициаторами отзыва депутата или его отставки. Б. А. Страшун приходит к выводу о том, что среди отношений народного представительства есть правовые и неправовые, причисляя к последним способы, формы и методы подбора кандидатов политическими партиями³.

Проблема зависимости депутата от выдвинувшей его политической партии не потеряла своей актуальности и в данный момент. Она неоднократно

---

¹ См.: *Краснов М. А.* Коллегиальность и персональная ответственность в работе местных Советов. М.: Юридическая литература, 1986. С. 65–66.

² См.: *Черепанов В. А.* К вопросу об отзыве депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 43.

³ См.: *Страшун Б. А.* Социализм и демократия (социалистическое народное представительство). М.: Проспект, 2015. С. 10–25.

была предметом обсуждения как в научной литературе, так и в Конституционном Суде РФ. По мнению судей Конституционного Суда РФ, нельзя лишать депутата мандата по воле политической партии в случае его выхода из политической партии или фракции¹. Высший судебный орган конституционного контроля тем самым встал на защиту депутатов от давления на них партийного руководства, подтвердив их право на самостоятельность и независимость при принятии решений ради общей пользы и в интересах всех граждан. И. А. Алебастрова рассматриваемое постановление оценила как первый шаг на пути ослабления партийной зависимости депутатов².

Таким образом, традиционной чертой парламентаризма является активная деятельность партий, воздействующих на формирование и функционирование представительной системы власти.

Немаловажным фактором влияния на уровень доверия к депутату со стороны населения являются устойчивые и регулярные морально-психологические связи избирателей с депутатом, которые способствуют созданию благоприятной атмосферы для успешной реализации предвыборных обещаний и программ народных представителей и политических партий.

Отношения народного представительства строятся на основе акта доверия избирателей к своим представителям, который характеризуется как поручение представителям осуществлять от имени представляемых государственную власть. Обобщив данные отношения, Б. А. Страшун сформулировал понятие «мандат» как «юридическую форму отношений представительства вообще и народного представительства в частности»³.

Анализ современного российского законодательства свидетельствует о том, что отдельные проявления императивности депутатского мандата (наказы, отзывы и т. п.) проявляются на региональном и муниципальном уровнях представительности. Так, в ряде субъектов Российской Федерации (Амурской, Калининградской, Кировской, Курганской, Новосибирской, Орловской,

---

¹ По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Т. И. Романовой: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2012 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 11. Ст. 1365.

² См.: *Алебастрова И. А.* Фракционная организация парламента в свете демократических стандартов выборов // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6. С. 85.

³ *Страшун Б. А.* Социализм и демократия (социалистическое народное представительство). М.: Проспект, 2015. С. 10–25.

Смоленской и Ульяновской областях, Ненецком автономном округе¹, Алтайском крае, Республике Алтай) в конце XX – начале XXI веков были приняты законы об отзыве депутата регионального законодательного (представительного) органа. Однако при их применении неоднократно возникали серьезные коллизии по вопросу о допустимости института отзыва и о пределах его применения, поэтому впоследствии во всех вышеуказанных регионах (в частности, Кировской², Ульяновской³ областях), кроме Республики Алтай и Алтайского края, законы об отзыве депутата были признаны утратившими силу. Законом Белгородской области от 29 октября 2015 г. № 5⁴ из Закона «О статусе депутата Белгородской областной Думы» была исключена норма, предусматривавшая отзыв в качестве одного из оснований досрочного прекращения полномочий депутата. Избирательный кодекс Белгородской области допускает и регулирует только отзыв Губернатора области (глава 14.1) и отзыв депутатов представительных органов муниципальных образований (глава 15)⁵. Таким образом, сегодня уже можно утверждать, что на законодательном уровне существует полусвободный мандат, ставящий депутата в зависимость от избирателей, но на практике по-прежнему депутат фактически независим от избирателей, так как механизм действия норм, ограничивающих свободу депутата, фактически не работает.

Можно выделить еще одно неправовое средство регулирования отношений в системе народного представительства – это административный ресурс, который часто проявляет себя как на этапе формирования представительных законодательных органов государственной власти и местного самоуправления, так и в ходе их работы. Имея значительные финансовые, экономические, властные ресурсы, органы исполнительной власти

---

¹ О порядке отзыва депутата Собрания депутатов Ненецкого автономного округа: закон Ненецкого автономного округа от 8 февраля 1999 г. № 161-03 (утратил силу) // Нярьяна-Вындер. 1999. 7 апр.

² О признании утратившими силу Закона Кировской области «О порядке отзыва депутата Законодательного Собрания Кировской области» и некоторых законов Кировской области: закон Кировской области от 10 марта 2010 г. № 513-ЗО // Вятский край. 2010. 17 марта.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Ульяновской области и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Ульяновской области: закон Ульяновской области от 31 июля 2009 г. № 122-ЗО // Ульяновская правда. 2009. 5 авг.

⁴ О внесении изменений в закон Белгородской области «О статусе депутата Белгородской областной Думы»: закон Белгородской области от 29 октября 2015 г. № 5 // Белгородские известия. 2015. 31 окт.

⁵ См.: *Ерыгин А. А.* Правовые основы формирования и деятельности законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации (на примере Белгородской областной Думы): монография / А. А. Ерыгин, В. И. Ерыгина. Белгород: Белгородский юрид. ин-т МВД России имени И. Д. Путилина, 2016. С. 88–89.

диктуют свою волю, навязывают свои решения парламентариям, тем самым переступая через базовые принципы конституционного строя России: разделения властей и народовластия. Неправовыми способами с использованием коррупционных связей происходит выдвижение кандидатов, формирование партийных списков на выборах, введение в парламент «нужных» людей для последующего манипулирования их действиями и лоббирования узкокорпоративных интересов.

Поэтому, на наш взгляд, необходимо из советской теории и практики народного представительства заимствовать те положительные черты, которые могут поднять престиж и авторитет представительных органов власти. Во-первых, необходимо поддерживать живую связь власти с народом, которая образно выражалась в формуле: «депутат – слуга народа», что подчеркивало его народное происхождение. С этой целью, чтобы приблизить депутата к избирателям, на муниципальном уровне представительства его свободный мандат нужно заменить на императивный, предусматривающий повышение депутатской ответственности перед гражданами, имеющими право давать им наказания, периодически заслушивать их отчеты и отзывать не оправдавших доверие избранных¹. Во-вторых, нужно учесть также негативный опыт советского строительства и осуществлять деятельность представительных органов на основе принципа законности, не допуская вмешательство в их работу как органов исполнительной власти, так и партийных организаций, тем самым умело сочетать правовые и неправовые способы взаимодействия между представителями и представляемыми во власти.

Список литературы

1. *Ерыгина В. И.* Теоретические проблемы ответственности политических партий за предвыборные обещания / В. И. Ерыгина // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 11. – С. 6–11.

2. *Краснов М. А.* Коллегиальность и персональная ответственность в работе местных Советов / М. А. Краснов. – Москва: Юридическая литература, 1986.

3. *Черепанов В. А.* К вопросу об отзыве депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской

---

¹ См.: *Ерыгина В. И.* Влияние идеологии и практики российской революции на становление и развитие советской модели народного представительства // Культура. Политика. Понимание (Россия в революциях XX века: политические реалии и культурные контексты): материалы V Международной конференции (г. Белгород. 21–22 апреля 2017 г.) / отв. ред. А. П. Кривец, М. В. Коваленко, В. Е. Пеньков. Белгород: ИД «Белгород», 2017. С. 44.

Федерации / В. А. Черепанов // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 5. – С. 43.

4. *Страшун Б. А.* Социализм и демократия (социалистическое народное представительство) / Б. А. Страшун. – Москва: Проспект, 2015. – С. 10–25.

5. *Алебастрова И. А.* Фракционная организация парламента в свете демократических стандартов выборов / И. А. Алебастрова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 6. – С. 85.

6. *Страшун Б. А.* Социализм и демократия (социалистическое народное представительство) / Б. А. Страшун. – Москва: Проспект, 2015. – С. 10–25.

7. *Ерыгин А. А.* Правовые основы формирования и деятельности законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации (на примере Белгородской областной Думы): монография / А. А. Ерыгин, В. И. Ерыгина. – Белгород: Белгородский юрид. ин-т МВД России имени И. Д. Путилина, 2016. – С. 88–89.

8. *Ерыгина В. И.* Влияние идеологии и практики российской революции на становление и развитие советской модели народного представительства // Культура. Политика. Понимание (Россия в революциях XX века: политические реалии и культурные контексты): материалы V Международной конференции (г. Белгород. 21–22 апреля 2017 г.) / отв. ред. А. П. Кривец, М. В. Коваленко, В. Е. Пеньков. – Белгород: ИД «Белгород», 2017. – С. 44.

*Капранова Юлия Витальевна,
доцент кафедры административного права Ростовского юридического
института МВД России, кандидат юридических наук, доцент*

**О КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВАХ, ОГРАНИЧИВАЕМЫХ
ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА
ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ**

Автор проводит анализ конституционных прав личности, ограничение которых сопряжено с применением мер административного обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Осуществляемый анализ проводится сквозь призму оценки пределов правомерности и обоснованности ограничений при применении различных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Делается вывод о целях, основных векторах обоснования необходимости соответствующих ограничений при применении мер административного обеспечения производства по делу об административном правонарушении.

Ключевые слова: конституционные права, ограничение прав, меры обеспечения, административное правонарушение, производство.

*Kapranova Yulia Vitalievna,
Associate Professor of the Department of Administrative
Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor*

**ON THE CONSTITUTIONAL RIGHTS RESTRICTED
IN THE APPLICATION OF MEASURES TO ENSURE THE PROCEEDINGS
IN THE CASE OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE**

The author analyzes the constitutional rights of the individual, the restriction of which is associated with the application of administrative security measures in the case of an administrative offense. The analysis is carried out through the prism of assessing the limits of legality and validity of restrictions in the application of various measures to ensure the production of an administrative offense. The conclusion is made about the goals, the main vectors of justification of the need for appropriate restrictions in the application of administrative security measures in the case of an administrative offense.

Key words: constitutional rights, restriction of rights, security measures, administrative offense, proceedings.

Конституция РФ закрепила широкий перечень прав и свобод, предусмотрев невозможность их изменения в Главе 9, что подчеркивает незыблемость, верховенство и значимость прав и свобод в системе ценностей общества и государства. При этом Основной закон закрепил и публично-правовые идеалы, ценности власти, их подчиненное соотношение с ценностями свободы личности, прав человека, а также положения, связанные с поиском баланса в процессе функционирования государственной власти и обеспечения прав личности. В конечном счете, и публично-правовые идеалы, и конституционные идеи свободы, по справедливому замечанию судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря, связаны со взаимоотношениями власти и свободы, государства и личности, а ценностным ориентиром реализации таких взаимоотношений является универсальная категория общего блага¹. Согласно конституционным положениям допускается возможность ограничения конституционных прав и свобод личности в случае обличения такого ограничения в форму закона, который имеет цель защиты: конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства от реально существующих угроз.

При всей неоднозначности и богатстве содержания термина «ограничение прав», наличии споров о его соотношении с категориями «отмена», «отрицание», «умаление», «лишение» прав и свобод, следует согласиться, что последние выступают различными формами или способами их ограничения² в пределах требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Применение мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении всегда одномоментно сопряжено с ограничением прав граждан. Правовая оценка причиняемого в момент принуждения ограничения прав и свобод выступает одним из критериев, позволяющих оценить законность применения указанных обеспечительных мер.

Определение мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, хотя и не имеет буквального закрепления в Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), вместе с тем имплицитно следует из положений главы 27. Под ними понимаются меры административного принуждения, применяемые уполномоченными органами государственной власти (их должностными лицами), в том числе судами (судьями),

---

¹ См.: Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 30.

² См.: Колосова Н. М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 36.

которые посредством установления ограничений прав и свобод для личности способствуют пресечению административного правонарушения, установлению личности нарушителя, составлению протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, а также своевременному и правильному рассмотрению дела об административном правонарушении и исполнению принятого по делу постановления. Не в каждом деле об административном правонарушении возникает необходимость применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, так как цели производства могут быть достигнуты и без ограничения прав граждан. Ограничение прав и свобод в данном случае – это инструмент, который позволяет достичь целей административного производства, в случае невозможности их обеспечения без вмешательства в данную сферу.

При применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении ограничиваются следующие конституционные личные и экономические права: на свободу и неприкосновенность личности (ст. 22), на свободу передвижения (ст. 27), на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34), частной собственности (ст. 35) и др. При применении отдельных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в отношении граждан, таких как доставление, административное задержание, личный досмотр, досмотр транспортного средства (далее – ТС), освидетельствование, дополнительно к свободе и личной неприкосновенности лица также могут подвергаться ограничениям и иные личные права: право на достоинство личности (ст. 21), неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна (ст. 23), недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 24), т. к. свобода личности и указанные права неразрывно связаны.

Особое место в системе конституционных прав, ограничиваемых при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, занимает право на свободу. Конституционное право на свободу универсально, является базовым, пронизывает всю систему личных прав и свобод, воплощается в возможностях лица, воспользовавшись конкретными правомочиями в различных сферах – личной (свобода действий, свобода передвижения, общения и т. д.), политической (свобода мысли, слова), трудовой (свобода труда, творчества), культурной, образовательной и т. д., всесторонне удовлетворить собственные запросы. Право на свободу и личную неприкосновен-

ность (ст. 22 Конституции РФ) является одним из основных прав, неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, предполагает право личности свободно располагать собой и недопустимость какого бы то ни было вмешательства извне в область индивидуальной жизнедеятельности личности.

Право на свободу и личную неприкосновенность, как указывал Конституционный Суд РФ, может быть ограничено лишь при соблюдении общеправовых принципов и на основе конституционных критериев необходимости, разумности и соразмерности, чтобы не допустить утраты самого смысла данного права¹. Общеправовые принципы отражены в международных нормативных правовых актах, которые признаются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ частью российской правовой системы. Так, Конвенция о защите прав человека и основных свобод² от 4 ноября 1950 г. закрепляет основополагающие в демократическом обществе гарантии данного права, включая гарантии защиты от незаконного лишения свободы. В решениях Европейского Суда по правам человека отражено, что любое лишение свободы должно не только осуществляться в соответствии с основными процессуальными нормами национального права, но и отвечать Конвенции, закрепляющей обстоятельства, при которых человек может быть лишен свободы на законных основаниях³.

Ограничение лица физической свободы может принимать различные формы, самая тяжкая из которых – лишение свободы по приговору суда – тюремное заключение. Лишение свободы и менее тяжкие формы ограничений свободы и личной неприкосновенности различаются только степенью и мерой ограничения, их природа и сущность как основополагающего права личности в демократическом обществе одинакова, и поэтому отечественный законодатель связывает применение любых мер принуждения, посягающих на нее, с обяза-

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5, и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова» // СПС «КонсультантПлюс».

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) // СПС «КонсультантПлюс». Далее – Конвенция.

³ Пункт 42 Постановления от 22 марта 1995 г. по делу «Кинн (Quinn) против Франции», пункты 57 и 61 Постановления от 27 ноября 1997 г. по делу «К.-Ф. против Германии», пункт 122 Постановления от 25 мая 1998 г. по делу «Курт (Kurt) против Турции» // СПС «КонсультантПлюс».

тельными допустимыми пределами их ограничений, исходя из требований международного и российского законодательства. Вводимые в отраслевом законодательстве любые ограничения свободы и личной неприкосновенности, выражающиеся в нахождении лица в местах принудительного содержания, исключающие его возможности свободно располагать своими правами и свободами в политической, экономической, трудовой, семейной и иных сферах, должны отвечать критериям правомерности, отраженным в статье 22 Конституции РФ и Конвенции. Закрепление физической свободы лица на уровне Основного закона как одной из базовых конституционных ценностей закладывает ее гарантийный потенциал от произвольного нарушения.

При применении таких мер обеспечения производства, как административное задержание, привод, доставление, личный досмотр, досмотр вещей, осуществляемое принуждение сопряжено с ограничением свободы и личной неприкосновенности. Так, например, в случае доставления, пусть и кратковременное, но ограничение свободы в виде ограничения передвижения лица присутствует, мера обеспечения преследует в итоге цель по составлению протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте, а ограничение свободы обусловлено необходимостью должностного лица в конкретном случае, исходя из обстоятельств дела (отсутствие документов удостоверяющих личность) и обстановки (например, дождь, ветер и др.), достичь указанную цель административного производства.

Цель, достигаемая вследствие реализации института административного задержания, сопряженного с ограничениями прав личности, представляется в виде необходимости обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении. Как отмечалось в постановлении Конституционного Суда РФ, лицо может быть подвергнуто административному задержанию «...в исключительных случаях – только если его необходимость продиктована конкретной правоприменительной ситуацией (обстановкой), объективно подтверждающей, что без применения данной административно-принудительной меры невозможны установление личности правонарушителя, выявление обстоятельств совершенного административного правонарушения, правильное и своевременное рассмотрение дела об административном правонарушении и исполнение принятого по его результатам постановления»¹. В КоАП РФ жестко фиксируется временной промежуток применения данной меры

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2016 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова» // СПС «КонсультантПлюс».

обеспечения – не более 3 часов, в исключительных случаях – 48 часов согласно ч. 1, 2, 3 ст. 27.5 КоАП РФ, тем самым правомерность причиняемого ограничения прямо взаимоувязана со сроком применения принудительной меры. Причем кратковременность выступает сущностным признаком определения данного вида задержания лица и отграничения от иных видов ограничения свободы, что законодатель и зафиксировал в определении административного задержания в статье 27.3 КоАП РФ. Как правило, в рамках КоАП РФ сроки ограничения прав по большинству мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении законодателем не указываются либо указываются достаточно неопределенно – «в возможно короткий срок», как в случае применения доставления (ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ), но ставятся в зависимость от достижения целей административного производства, а также, по смыслу КоАП РФ, разумности пределов продолжительности ее применения и максимальных сроков ограничения прав личности в случаях применения той или иной меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Таким образом, нормы административного законодательства, регламентируя административное задержание, одновременно устанавливают и временные пределы административного задержания, сопряженного с ним ограничения физической свободы лица и гарантии от злоупотребления данной мерой принуждения, что очень важно, учитывая смысл и значение данного конституционного права.

При личном досмотре и досмотре вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7 КоАП РФ), ограничение свободы связано с таким аспектом, как физическая неприкосновенность. Физическая неприкосновенность, которая наряду с психической, является составной частью неприкосновенности личности, ограничивается в рамках административного производства при применении рассматриваемых мер исключительно в соответствии с установленным порядком, в случае установленной законом необходимости, разумно и пропорционально по пределам вмешательства в индивидуальную жизнедеятельность личности, исходя из сути и содержания личного досмотра. Смысл досмотра заключается в том, чтобы в случаях, указанных в КоАП РФ, произвести обследование лиц и находящихся при нем вещей без нарушения их конструктивной целостности для обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения. Причиняемые при обследовании ограничения физической неприкосновенности должны быть пропорционально компенсированы гарантиями прав личности при их проведении: проведение уполномоченным должностным лицом, присутствие двух понятых того же пола, составление протокола, ведение фото- и киносъемки во избежание неточностей и злоупотреблений

при его проведении. Кроме того, при личном досмотре, как и при досмотре вещей, досмотре ТС, разумно ограничиваются право на достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия, в том числе и на частную собственность.

Закрепленное в ст. 35 Конституции РФ право на частную собственность также ограничивается при применении отдельных мер обеспечения административного производства. С ограничением права на частную собственность сопряжено, например, применение таких мер, как изъятие вещей и документов, отстранение от управления ТС, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения. В рамках административного производства право на собственность ограничивается в части пользоваться (то есть получать пользу от объекта собственности) и распоряжаться (то есть осуществлять куплю-продажу, дарение, сдачу в аренду или другие сделки по поводу права собственности) ею как единолично, так и совместно с другими лицами. Частью 3 ст. 35 Конституции РФ предусмотрено, что ограничить право частной собственности в части владения, то есть лишить, возможно только по решению суда. Ограничения, накладываемые государством на данное право, вытекают из общих векторов социально-экономической политики государства, обусловленной ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 9, ч. 2 ст. 36, ст. 34, 39 Конституции РФ, положениями иных законов. В случае применения норм о мерах обеспечения производства по делу об административном правонарушении ограничение указанного права осуществляется в части свободного пользования и свободного распоряжения своим имуществом в пределах, в границах требований, установленных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и статей КоАП РФ, устанавливающих соразмерный порядок их применения.

Так, например, при применении такой меры обеспечения, как отстранение от управления ТС, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения, имеются специфические особенности ее применения в аспектах ограничений прав и свобод личности. Они заключаются в том, что вначале, при отстранении гражданина от управления ТС, сотрудник полиции ограничивает право на частную собственность лица в части реализации пользоваться и распоряжаться ею, с тем чтобы после устранения осуществить следующую взаимоувязанную с ней меру, подтверждающую правомерность отстранения, – освидетельствование сотрудником полиции на состояние опьянения, которая, в свою очередь, сопряжена уже с посягательством на свободу и личную неприкосновенность, по результатам

которого составляется акт, который и выступает достаточным основанием, чтобы далее сотрудник полиции либо мог допустить лицо к управлению ТС, либо продлить запрет, ограничение на собственность в связи с удостоверенным фактом опьянения. В случае если лицо отказывается от освидетельствования, сотрудник полиции должен его направить на медицинское освидетельствование, которое осуществляется медицинскими учреждениями, и таким образом также ограничить его свободу и личную неприкосновенность, принудив выполнить указанное действие.

Не менее важно и тесно связано с предыдущими правами право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ). Пределы ограничений данной нормы закладываются конституционно, использование собственных способностей и имущества не должно причинять вред окружающим, общему благу. Российским законодательством предусмотрены и иные основания ограничений данного права. В рамках применения норм о мерах обеспечения производства по делу об административном правонарушении ограничение указанного права может усматриваться при применении таких мер, как отстранение от управления транспортным средством (ст. 27.12 КоАП РФ), задержание ТС (ст. 27.13 КоАП РФ), задержание судна, доставленного в порт РФ (ст. 27.13.1 КоАП РФ), арест товаров, ТС и иных вещей (ст. 27.14 КоАП РФ), временный запрет деятельности (ст. 27.16 КоАП РФ) и др. Ограничения, сопряжённые с указанной группой мер принуждения, носят кратковременный характер, направлены, как правило, на достижение таких целей административного производства, как выяснение обстоятельств административного правонарушения, пресечение административного правонарушения, своевременное рассмотрение дела. Как разъяснялось в одном из определений Конституционного Суда РФ, право, предусмотренное статьей 34 Основного закона, может быть разумно ограничено с условием, что не будет нарушен баланс между публичными интересами общества и экономическими правами отдельных индивидов (их объединений), а вводимые ограничения не будут посягать на существо права и приводить к утрате его реального содержания¹. Вместе с тем ограничения данного права могут обеспечивать и другие конституционные

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16 января 2018 г. № 10-О «По жалобе граждан Лебедик Зои Олеговны, Мельникова Дмитрия Алексеевича и Шатшнайдера Владимира Олеговича на нарушение их конституционных прав статьями 2 и 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации «О свободе торговли» // СПС «КонсультантПлюс».

ценности, например жизнь, здоровье граждан, общественную безопасность и др. При временном запрете деятельности (на срок до 90 суток), например, могут быть предотвращены техногенные катастрофы и аварии, распространение заражений, какие-либо иные угрозы жизни и здоровью людей.

В заключение хотелось бы отметить, что рассмотрена лишь небольшая часть конституционных прав, ограничиваемых при применении мер обеспечения по делу об административных правонарушениях. Рассмотренные аспекты подчеркивают, что ограничение тех или иных конституционных прав при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении обусловлено необходимостью достижения публичных целей, осуществляется исходя из критериев разумности, необходимости и соразмерности, правовой определенности, в том числе и по срокам вводимых ограничений, оптимального баланса публичных и частных интересов, имеет глобальную цель – достижение общего блага.

Список литературы

1. *Бондарь Н. С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? / Н. С. Бондарь // Государство и право. – 2020. – № 6.
2. *Колосова Н. М.* Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики / Н. М. Колосова // Журнал российского права. – 2019. – № 8.

*Коваленко Вероника Валерьевна,
адъюнкт Уральского юридического института МВД России
e-mail: vvkovalenko77@mail.ru*

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ МЕР
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ**

Рассматриваются вопросы соотношения прав граждан Российской Федерации и иностранных граждан на труд, на свободу передвижения и выбор места пребывания, а также принятые в России меры по урегулированию правового положения иностранных граждан в период распространения новой коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: права, иностранный гражданин, covid-19, преференции.

*Kovalenko Veronika Valerievna,
associate of the Ural law Institute of the Ministry
of internal Affairs of the Russian Federation*

**ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS IN
THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE PERIOD OF MEASURES
TO PREVENT THE SPREAD OF A NEW CORONAVIRUS INFECTION**

The article considers the issues of correlation of the rights of citizens of the Russian Federation and foreign citizens to work, freedom of movement and choice of place of stay, as well as measures taken in Russia on the settlement of the legal status of foreign citizens during the spread of the new coronavirus infection.

Key words: rights, foreign citizen, covid-19, preferences.

В соответствии со статьёй 62 Конституции РФ иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами России, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации¹.

Учитывая, что государственная миграционная политика РФ является вспомогательным средством для решения демографических и связанных с ними

---

¹ Об утверждении перечня территорий, организаций и объектов, для въезда на которые иностранным гражданам требуется специальное разрешение: постановление Правительства РФ от 11 октября 2002 г. № 754 // СПС «КонсультантПлюс».

экономических проблем¹, для иностранных граждан предусмотрены некоторые ограничения в правах. Например, для определенных категорий мигрантов для реализации трудовых прав требуется оформление разрешительных документов (разрешение на работу, патент); законодательно определены территории, организации, объекты для посещения которых (въезд) иностранным гражданам требуется специальное разрешение², также свобода передвижения по стране ограничена для мигрантов рамками приглашений, разрешений на работу, на временное проживание в определенном субъекте РФ.

С другой стороны, граждане РФ и иностранные граждане не равноправны при постановке на учет по месту пребывания. Несмотря на то, что и регистрационный, и миграционный учет носят уведомительный характер, иностранные граждане могут быть поставлены на миграционный учет по адресу организации, в которой они осуществляют трудовую деятельность, в ином помещении, не являющемся жилым, которое они регулярно используют для сна и отдыха, а граждане РФ такой возможности лишены, хотя и они, например, работают вахтовым методом, проживают длительное время в вагончиках на лесозаготовках и т. п. При регистрации по месту пребывания граждан РФ от заявителя требуется гораздо больше документов, чем от лица, ставящего на миграционный учет иностранного гражданина, да и сроки предоставления соответствующих государственных услуг отличаются не в пользу граждан РФ.

В период распространения новой коронавирусной инфекции в условиях закрытия границ и прекращения международного транспортного сообщения Россия пошла на беспрецедентные меры по урегулированию правового положения иностранных граждан в РФ, обусловленные гуманитарными целями. Согласно Указу Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»³ с 15 марта 2020 г. по 15 июня 2021 г. приостановлены сроки:

– временного пребывания, временного или постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в России;

---

¹ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274 (ред. от 2 января 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Далее – Указ.

– постановки иностранных граждан и лиц без гражданства на учет по месту пребывания или регистрации по месту жительства;

– нахождения за пределами РФ участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, членов их семей¹, временно и постоянно проживающих в РФ иностранных граждан;

– добровольного выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, в отношении которых принято решение об административном выдворении за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации, о неразрешении въезда в Россию или нежелательности пребывания (проживания) в РФ (с 16 сентября 2020 г.)²;

– действия виз, разрешений на временное проживание, видов на жительство, миграционных карт, удостоверений беженца, свидетельств о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории РФ, свидетельств о предоставлении временного убежища на территории РФ, свидетельств участников Государственной программы, у которых в указанный период истекает срок действия.

Иностранным гражданам – нарушителям порядка пребывания, находящимся на территории России, предоставлена возможность урегулировать свое правовое положение без применения к ним санкций.

Благодаря принятым мерам в период с начала действия Указа по март 2021 года свыше 3,3 млн иностранных граждан урегулировали свой правовой статус для дальнейшего законного нахождения в России, включая более 500 тыс. ранее находившихся с нарушением сроков пребывания³.

Таким образом, руководствуясь гуманитарными принципами, Российская Федерация ввела ряд преференций для иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории России в период действия мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции, а также для мигрантов, получивших разрешение на временное проживание, вид на жительство или свидетельство участника Государственной программы и находящихся за пределами территории Российской Федерации, что позволило урегулировать им свой правовой статус.

---

¹ Далее – Государственная программа.

² Также не принимаются решения о принудительном административном выдворении за пределы РФ.

³ Более 3,3 млн иностранцев урегулировали правовой статус в России в условиях пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11062665> (дата обращения: 20.05.2021).

Список литературы

1. *Андриченко Л. В.* Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография / Л. В. Андриченко, И. В. Плюгина // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.05.2021).

2. *Рашитов Л. Р.* Преступления против порядка управления миграционной деятельностью в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. Р. Рашитов. – Омск, 2019. – 23 с.

*Новосельцева Елизавета Владимировна,
курсант Уральского юридического института МВД России
e-mail: elizaveta.no00@mail.ru*

НОВОЕ В СООТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РФ

Статья посвящена особенностям влияния международного права на национальную правовую систему в рамках ч. 4 ст. 15 и ст. 79 Конституции РФ. Оцениваются перспективы влияния новой редакции статьи 79 Конституции РФ на правовое положение России в международных организациях, членом которых она является. Анализируются разные точки зрения политических и общественных деятелей по данному вопросу. Рассматриваются противоречия норм с целью выяснения главенства международного права над национальным.

Ключевые слова: международные договоры Российской Федерации, Конституция РФ, соотношение международных и национальных норм.

*Novoseltseva Elizaveta Vladimirovna,
cadet of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

NEW IN THE RELATIONSHIP BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the peculiarities of the influence of international law on the national legal system within the framework of Part 4 of Art. 15 and Art. 79 of the Constitution of the Russian Federation. The prospects of the influence of the new edition of Article 79 of the Constitution of the Russian Federation on the legal position of Russia in international organizations, of which it is a member, are assessed. Various points of view of political and public figures on this issue are analyzed. The contradictions of norms are considered in order to clarify the supremacy of international law over national.

Key words: international treaties of the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation, the ratio of international and national norms.

Детальное толкование норм является необходимой составляющей проведения их анализа касательно определения взаимного существования и отсутствия противоречий.

Положение части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации¹ указывает на приоритет норм международного права относительно национального, если они противоречат действующему национальному закону.

Можно сделать вывод, что в национальную правовую систему включаются не все международное право в целом, а только общепризнанные принципы и нормы, а также международные договоры, в отношении которых Российская Федерация выразила свое согласие на выполнение вытекающих из них международных обязательств. Но лаконичность данной формулировки влечет за собой ряд нюансов применения данного положения на практике, а именно в части толкования понятия «общепризнанные».

В рамках поиска толкования данной дефиниции можно отметить, что ни в Конституции Российской Федерации, ни в международных договорах и международно-правовой доктрине нет закрепленного перечня, обуславливающего признаки, характеризующие общепризнанность.

Вместе с тем нельзя отрицать факта наличия в международном праве многосторонних универсальных международных договоров, как по числу участвующих в них государств, так и по своим целям, носящим глобальный характер. Именно такие международные договоры наряду с международным обычаем относят к числу источников норм общего международного права и универсальных принципов, несмотря на то, что в своем содержании они не имеют прямого указания, что закреплённые в них положения именуется общепризнанными. К числу таких, к примеру, мы можем отнести устав Организации Объединенных Наций. Для реализации данной конституционной нормы, указанной в ч. 4 ст. 15 Конституции, под общепризнанными принципами и нормами международного права допустимо понимать нормы статьи 38 Статута Международного Суда Организации Объединенных Наций², определяющие, что источниками международного права являются: международные конвенции, как общие, так и специальные; международный обычай как прямое доказательство всеобщей практики; общие принципы права, признанные цивилизованными народами. Стоит сказать, что в теории международного права сложилось мнение, согласно которому к числу общепризнанных принципов необходимо относить только императивные. Данное положение нашло свое подкрепление в ст. 53

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>

² Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>

Конвенции о праве договоров 1969¹ г. и приобрело правовую форму путем общего соглашения государств.

Несмотря на все вышесказанное, часть 4 статьи 15 Конституции России хоть и признает общепризнанные принципы и нормы частью правовой системы России, но не указывает их четкого места в правовой системе страны. На практике данный пробел чаще используется правоприменителями как возможность уклонения от общепризнанных принципов и норм в пользу внутреннего права.

Обращаясь к статье 79 Конституции РФ, на первый взгляд, мы видим некое противоречие относительно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Данная статья закрепляет право России на участие в международных объединениях, при этом учитывая возможность страны отказаться от принятия норм и принципов, противоречащих внутреннему конституционному строю государства. На наш взгляд, данная статья выражает еще одну гарантию суверенитета Российской Федерации, то есть она определяет условия, только при соблюдении которых Россия может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий.

Таким образом, после анализа данных норм возникает впечатление некоторой противоречивости, однако это не совсем так. С одной стороны, международные договоры, в отношении которых Россия выразила свое добровольное согласие на обязательность их положений, и решения межгосударственных судов, выносимые на основании и во исполнение этих договоров в порядке разрешения споров, строго обязательны для России в силу нашей же Конституции, но с другой, к примеру, если Европейский суд по правам человека вынесет решение против нашего государства и Россия не захочет исполнять данное решение суда, то обратится к статье 79 Конституции России, которая, позволит не исполнять это решение, а также иные неудобные нам решения межгосударственных организаций. Иными словами, статья 79 Конституции будет являться неким козырем Российской Федерации, применение которого позволит в некоторой степени уберечь национальное законодательство от вмешательства извне. Поэтому текущую редакцию статьи 79 Конституции можно назвать определенным компромиссом, уберегающим страну от международных норм, к примеру, закрепляющих увеличение пенсионного возраста до 100 лет, разрешение однополых браков, проведение единого государственного экзамена по всем предметам и т. п.

---

¹ Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>

Одновременное действие данных норм, казалось бы, противоречащих друг другу, имеет логическое объяснение, поскольку изменение положения ч. 4 ст. 15 Конституции в связи с его расположением в главе 1 Конституции попросту невозможно, так как согласно главе 9 Конституции данная глава подлежит изменению только при созыве конституционного собрания, процесс созыва которого тоже невозможен, опять же ввиду отсутствия такого закона.

Президент России Владимир Путин недвусмысленно отметил, что Россия исполняет и будет исполнять решения ЕСПЧ, даже те, которые мы считаем несправедливыми по отношению к нашему обществу. Следует согласиться с позицией главы государства, важно, чтобы выстроенная система взаимодействия сохранялась в том, чего мы достигли, и мы выправляем лишь те ситуации, которые по запросу общества воспринимаются несправедливыми. Закрепление положения о неисполнении решений межгосударственных органов в случае их противоречия Конституции РФ в основном законе является юридико-техническим моментом – положение перекочевало из постановления Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу» в Конституцию РФ. Порядок реализации этого положения предусмотрен упомянутым постановлением. Поэтому никакого содержательного влияния на взаимоотношения с ЕСПЧ, умаления или повышения авторитета ЕСПЧ такая поправка оказать не может.

Важно отметить, что рассмотренное выше особое мнение России не может не повлечь за собой реакцию других стран, которые также сформулируют особые защитные механизмы в рамках признания решений органов международных организаций. И это справедливо. Государство в пределах своего суверенитета должно защищать основы сложившегося правопорядка, который в обновленной Конституции России приобретает все более устойчивые и самобытные черты. Таким образом, в результате рассмотрения некоторых аспектов соотношения положений части 4 статьи 15, а также новой редакции статьи 79 Конституции Российской Федерации с позиции приоритета норм международного права над национальными нормами, необходимо сделать вывод о фактическом закреплении положениями статьи 79 Конституции РФ ранее уже реализованного практикой механизма защиты конституционного правопорядка.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/>
2. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/>

*Первухин Александр Сергеевич,
курсант Уральского юридического института МВД России
e-mail: ann.alexandr@mail.ru*

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ АКТОВ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются доктринальные концепции, свидетельствующие о прецедентном характере актов высших судебных инстанций в Российской Федерации, а также опровергающие данный тезис. В результате исследования правоприменительной деятельности Конституционного Суда РФ автором делается вывод об опосредованном нормотворчестве значения принимаемых им актов.

Ключевые слова: судебный прецедент, Конституционный Суд РФ, постановление Пленума Верховного Суда РФ, судебная власть.

*Pervukhin Alexander Sergeevich,
cadet of the Ural Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

THE PRECEDENT VALUE OF THE ACTS OF THE HIGHEST COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the doctrinal concepts that testify to the precedent nature of the acts of the highest courts in the Russian Federation, as well as refute this thesis. As a result of the study of the law enforcement activity of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author concludes that, indirectly by rule-making, the significance of the acts it adopts.

Key words: Judicial precedent, Constitutional Court of the Russian Federation, resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial power.

Вопрос о правовой природе решений Верховного и Конституционного судов возник достаточно давно, однако остается актуальным и на сегодняшний день. До сих пор ученые не могут прийти к единому мнению о правовой природе решений высших судебных инстанций.

Существует три популярных самостоятельных точки зрения по данному вопросу. Первые авторы считают решения высших судебных инстанций не источником, а актом толкования права, вторые, – что источником права является

только постановление Конституционного Суда. Сторонники третьей точки зрения говорят о том, что постановление Пленума Верховного Суда РФ можно признать источником права с некоторыми оговорками¹. Последние видят в решениях высших судебных инстанций акт нормотворчества.

Итак, для того чтобы определить правовую природу решений высших судебных инстанций, предлагаем рассмотреть их через призму таких правовых категорий, как «судебный прецедент», «толкование права», «нормотворчество».

Ученые справедливо отмечают, что судебный прецедент – категория многогранная, понимание которой зависит от исторических, политических, социальных условий конкретной правовой среды. Ввиду этого представляется верным обратиться к классическому английскому прецеденту, который по праву является эталонным, ведь именно в Англии в XIII веке произошел генезис рассматриваемого правового явления.

В учебной литературе судебный прецедент определяется авторами как «решение судебных органов по конкретному делу, которое впоследствии принимается за обязательное правило при рассмотрении аналогичных дел»² или «судебное решение по конкретному делу, которому придается общеобязательная сила при рассмотрении подобных дел этим же судом и нижестоящими судами»³, при этом упуская ряд существенных признаков.

Более точное понятие и характеристику классического судебного прецедента дают в своей статье Л. П. Рассказов, О. Л. Рассказов, Г. А. Мантул, определяя судебный прецедент как «судебное решение высших судов, принимаемое большинством голосов его членов на основании прецедентной нормы по конкретному делу, обладающее императивным характером и применяемое в качестве источника права при рассмотрении аналогичных дел»⁴. При этом авторы выделяют следующие сущностные признаки судебного прецедента: 1) советующий субъект – высшая судебная инстанция; 2) принимается большинством голосов; 3) формальная определенность; 4) естественные права человека, нормы морали, обычаи и традиции – как основа судебного прецедента; 5) общеобя-

---

¹ См.: *Чесноков М. В., Олейник Е. Н., Чесноков Д. М.* Постановления Пленума Верховного Суда РФ как источник права // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2020. № 2 (31). С. 386–387.

² *Морозова Л. А.* Теория государства и права: учебник. 4-е изд. изд. М.: Эксмо, 2010. С. 189.

³ *Оксамытный В. В.* Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 295.

⁴ *Рассказов Л. П., Рассказов О. Л., Мантул Г. А.* Классическое понимание судебного прецедента и отношение к прецедентному праву в Российском государстве // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2012. № 79. С. 733.

зательность; б) принимается на основании прецедентной нормы по конкретному делу¹.

Рассмотрим решения высших судебных инстанций России через призму вышеупомянутых признаков.

Начнем с постановлений Пленума Верховного Суда².

Соответствие разъяснений Верховного Суда первым четырем из вышеприведенных признаков очевидно. Так, Верховный Суд является высшей судебной инстанцией по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам³; ПП ВС, как и прецедентные решения в Англии, принимаются коллективно большинством голосов от общего числа присутствующих на заседании членов Пленума Верховного Суда РФ; разъяснения Пленума Верховного Суда, облакаются в специально установленную форму – постановление Пленума Верховного Суда; на деятельность Верховного Суда, как и любого другого государственного органа, распространяет свое действие Конституция, отражающая высшие общепризнанные человеческие ценности, народные ценности.

Мнения ученых относительно общеобязательности ПП ВС для правоприменителя расходятся. Одни считают, что ПП ВС носят рекомендательный характер, другие, наоборот, – императивный, говоря о прорывном⁴ характере свежего положения ПП ВС, которое предписывает судам апелляционной инстанции «устанавливать» соответствие выводов суда первой инстанции «практике применения правовых норм, определенной постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившими силу постановлениями Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившими силу постановлениями Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также содержащейся в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации» (п. 8, абз. 27)⁵. Очевиден посыл данного предписания – «принимайте

---

¹ Там же.

² Далее – ПП ВС.

³ Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.04.2021).

⁴ Судьям предписут ориентироваться на прецеденты Верховного суда страны // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/06/09/sudiam-predpishut-orientirovatsiana-precidenty-verhovnogo-suda.html> (дата обращения: 21.05.2021).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74232850/> (дата обращения: 21.05.2021).

решения в соответствии с установленными нами рекомендациями». Так, Верховный Суд, используя императивный глагол «устанавливает» вместо привычных «следует», ссылается на ч. 4 ст. 170, регламентирующую содержание мотивировочной части решения, фактически обязывая по каждому делу проверять исполнение установленных рекомендаций.

Конечно, данное положение распространяется только на арбитражные суды и не обязывает суды следовать данному предписанию, т. к. формально ПП ВС не имеют обязательной силы для нижестоящих судов. Однако мы считаем очевидным императивный характер ПП ВС, т. к. ввиду особенностей российской судебной системы говорить об их рекомендательном характере не приходится, что подтверждается практикой. Иерархичность судебной власти, особенности судопроизводства определяют ситуацию, при которой субъект, уполномоченный давать судам разъяснения «рекомендательного» характера, которыми должны руководствоваться нижестоящие суды, и субъект, осуществляющий кассационное (надзорное) производство, фактически совпадают в одном лице. Очевидно, что при такой организации судебной власти не может идти и речи об иных вариантах применения норм права, альтернативных предложенным Верховным Судом, т. к. в конечном итоге производство по делу будет осуществляться в надзорной инстанции и придет к своему логическому завершению – приведению решения суда нижестоящей инстанции в соответствие с позицией, изложенной в ПП ВС.

Казалось бы, ПП ВС во много соответствует принципам классического судебного прецедента, однако имеет некоторые принципиальные качественные и структурные отличия.

Так, судебный прецедент, являясь результатом рассмотрения конкретного дела, имеет три основных структурных элемента: постановляющая часть, содержащая в себе обстоятельства дела (факты); определяющая часть, содержащая в себе правовые принципы, применяемые к вопросам, возникающим из обстоятельств дела; мотивировочная часть – непосредственно решение, в которой и «рождается» прецедентная норма. ПП ВС как результат обобщения судебной практики включает в себя лишь ряд конкретных положений, которыми должны руководствоваться суды.

Рассмотрим структурные элементы классического судебного прецедента и конкретного ПП ВС.

Судебный прецедент включает в себя: обстоятельства, описательно-мотивировочную часть (правовые принципы, применяемые к конкретным вопросам), решение, содержащее в себе прецедентную норму.

Теперь рассмотрим положение п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». «Открытым хищением чужого имущества, предусмотренным статьей 161 УК РФ (грабеж), является такое хищение, которое совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет»¹. Данное положение ПП ВС включает в себя прецедентную норму: «открытым хищением чужого имущества, предусмотренным статьей 161 УК РФ (грабеж), является...» (Что следует признавать таким деянием? В каких случаях?) и обстоятельства: «хищение, которое совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет».

Налицо качественное различие (судебный прецедент – решение по конкретному делу; ПП ВС – результат обобщения судебной практики). Так, в ПП ВС полностью отсутствует описательно-мотивировочная часть, но присутствуют обстоятельства и прецедентная норма, которые носят абстрактный (отвлеченный от дела / общий) характер.

Грубо говоря, ПП ВС – это сборник прецедентных норм с абстрагированными обстоятельствами, активирующими их действие.

На этой ноте дискуссию о природе ПП ВС можно было бы закончить. Но, как мы говорили выше, система права каждой страны уникальна, соответственно, уникально и проявление тех или иных правовых явлений, в частности судебного прецедента в России. Однако классический судебный прецедент и ПП ВС имеют ролевое единство – создание образца поведения судов нижестоящей инстанции при наличии определенных обстоятельств.

Исходя из сказанного, справедливо говорить о том, что положения ПП ВС все же носят именно прецедентный характер, а не являются прецедентами до тех пор, пока господствует доктрина закона как единственного источника права. Иначе говоря, стоит согласиться с учеными, которые считают, что судебный прецедент в РФ имеет место с определенными оговорками: во-первых, абстрагированный характер прецедентных норм, обусловленный качественным

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/1352873/> (дата обращения: 22.05.2021).

отличием форм, в которые облакаются классический судебный прецедент и отечественный «судебный прецедент», во-вторых, де-юре не обязателен для исполнения нижестоящими судами.

Соответственно, вопрос о том, является ли ПП ВС актом толкования права или правотворчества, не имеет смысла, т. к. категория «судебный прецедент» включает в себя данные явления.

Говорить о прецедентном характере постановлений Конституционного Суда не приходится, т. к. его действие распространяется лишь на конкретный нормативно-правовой акт и в отличие от судебного прецедента, применяющегося по всем аналогичным делам, имеет разовое действие. Поэтому целесообразно ставить вопрос: является ли постановление Конституционного Суда актом нормотворчества (вопрос о дефиниции) или актом толкования права?

А. Н. Миронов и А. В. Малышкин определяют нормотворчество как «регламентированную форму властной деятельности органов государства и местного самоуправления, осуществляемую в особом процессуальном порядке, направленную на создание, изменение и отмену правовых норм в целях удовлетворения общественных потребностей и интересов». При этом авторы выделяют следующие признаки нормотворчества: 1) представляет собой форму властной деятельности органов государственной власти или местного самоуправления; 2) нормотворчество – активная деятельность, направленная на создание, изменение или отмену норм права; 3) конечным продуктом (результатом) является норма права; 4) это строго регламентированная деятельность; 5) цель – преобразование общественных потребностей и интересов в общеобязательные формально-определенные правила; 6) нормотворчество – важнейшее средство управления обществом, с помощью которого создается правовая основа государственной и общественной жизни, закрепляются правовые статусы различных субъектов, определяются правовые режимы жизнедеятельности общества и государства¹.

Соответствие постановления Конституционного Суда всем перечисленным признакам, кроме второго и третьего, не вызывает сомнений, т. к. Конституционный Суд, являясь судебным органом, осуществляющим конституционный контроль посредством отмены не соответствующих Конституции нормативных правовых актов (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), действует в целях «защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого

---

¹ См.: *Миронов А. Н., Малышкин А. В.* Понятие и признаки нормотворчества // *Право, политика и современное общество: ценности, развитие и проблемы.* Тольятти: Научная общественная организация «Профессиональная наука», 2017. С. 54–55.

действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации», при этом, реализуя свои полномочия, воплощает в жизнь интересы субъектов права.

Казалось бы, при наличии всех вышеперечисленных признаков, Конституционный Суд не осуществляет нормотворческую деятельность, а его постановления не содержат нормы права. Кроме того, Конституционный Суд не обладает законотворческим правом. Формально это так.

Однако, де-факто, деятельности Конституционного Суда присущ нормотворческий характер. Так, В. А. Кряжков и Л. В. Лазарев, высказывая свою позицию, характеризуют деятельность Конституционного Суда как «негативное» нормотворчество, т. е. деятельность по «выбраковыванию» дефектных норм¹. На наш взгляд, авторы заужают содержание деятельности Конституционного Суда, т. к. кроме лишения нормы юридической силы в постановлении содержатся подробно описывающие содержание будущей нормы права правовоположения, согласно которым субъект, издавший норму права, признанную не соответствующей конституции, обязан внести изменения². Так как законодатель обязан придерживаться мнения Конституционного Суда, изложенного в постановлении, ему остается лишь транслировать его, другими словами, придать юридическую форму данным правовоположениям.

Резюмируя сказанное, мы приходим к выводу, что деятельность Конституционного Суда является опосредованным нормотворчеством.

Список литературы

1. *Чесноков М. В.* Постановления Пленума Верховного Суда РФ как источник права / М. В. Чесноков, Е. Н. Олейник, Д. М. Чесноков // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – № 2 (31). – С. 386–387.

2. *Морозова Л. А.* Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. – 4-е изд. – Москва: Эксмо, 2010.

3. *Оксамытный В. В.* Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В. В. Оксамытный. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

4. *Рассказов Л. П.* Классическое понимание судебного прецедента и отношение к прецедентному праву в Российском государстве / Л. П. Рассказов,

---

¹ См.: *Кряжков В. А., Лазарев Л. В.* Конституционная юстиция в Российской Федерации. М.: БЕК, 1998. С. 242.

² Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 25.10.2020).

О. Л. Рассказов, Г. А. Мантул // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 79.

5. Судьям предпишут ориентироваться на прецеденты Верховного суда страны [Электронный ресурс] // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2020/06/09/sudiam-predpishut-orientirovatsia-na-precedenty-verhovnogo-suda.html> (дата обращения: 21.10.2020).

6. *Миронов А. Н.* Понятие и признаки нормотворчества / А. Н. Миронов, А. В. Малышкин // Право, политика и современное общество: ценности, развитие и проблемы. – Тольятти: Научная общественная организация «Профессиональная наука», 2017.

7. *Кряжков В. А.* Конституционная юстиция в Российской Федерации / В. А. Кряжков, Л. В. Лазарев. – Москва: БЕК, 1998.

*Сабурова Анна Алексеевна,
старший инспектор по особым поручениям отдела
организации исполнения законодательства о реадмиссии
Управления контрольно-надзорной деятельности
Главного управления по вопросам миграции МВД России*

**СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, ПОДЛЕЖАЩИХ ПЕРЕДАЧЕ
В СООТВЕТСТВИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ДОГОВОРАМИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О РЕАДМИССИИ**

В статье детально анализируются элементы конституционно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих передаче в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии. В результате анализа национальных правовых актов и международных договоров Российской Федерации о реадмиссии автором делается вывод о необходимости соблюдения государством обязательств по обеспечению и защите основных социальных, экономических, культурных прав каждого человека, находящегося под его юрисдикцией, в том числе и иностранных граждан, пребывающих незаконно.

Ключевые слова: иностранный гражданин, международный договор, реадмиссия, права и свободы человека и гражданина.

*Saburova Anna Alekseevna,
senior inspector for special assignments of the Department for the
Organization of Implementation of the Legislation on Readmission
of the Office of Control and Supervision Activities of the Main Directorate
for Migration Issues of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

**OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF FOREIGN CITIZENS
AND STATELESS PERSONS SUBJECT TO TRANSFER IN ACCORDANCE
WITH INTERNATIONAL AGREEMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
ON READMISSION**

The article analyzes in detail the elements of the constitutional and legal status of foreign citizens and stateless persons subject to transfer in accordance with the international agreements of the Russian Federation on readmission. As a result of the analysis of national legal acts and international treaties of the Russian Federation on readmission, the author concludes that the state must comply with its obligations to

ensure and protect the basic social, economic, cultural rights of every person under its jurisdiction, including foreign citizens staying illegally. ...

Key words: foreign citizen, international treaty, readmission, human and civil rights and freedoms.

В сегодняшних реалиях уровень развития института прав человека является своеобразным показателем цивилизованности и зрелости государства. Российская Федерация, закрепив на конституционном уровне свою принадлежность к правовому и социальному государству, в котором права человека являются высшей ценностью, также взяла на себя обязательство соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Права человека, составляя комплекс естественных неотчуждаемых прав, которые предоставлены человеку уже только в силу его рождения, существуют независимо от их признания государством и закрепления в национальном законодательстве. В свою очередь, права гражданина тесно связаны с принадлежностью лица к конкретному государству, которое выступает дополнительным гарантом обеспечения соблюдения прав своих граждан.

В нашей стране иностранцы пользуются правами наравне с гражданами России, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором¹. Это же закреплено и в основном законе, регулирующем правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации².

К примеру, лица, не являющиеся гражданами России, не могут принимать участие в управлении государственными делами (т. е. им не предоставлено избирательное право, а также право на участие в референдуме, на осуществление правосудия, на доступ к госслужбе), работать в организации, деятельность которой связана с обеспечением национальной безопасности.

Конституцией РФ установлено, что ограничение прав и свобод человека и гражданина допускается только на основании федерального закона в целях защиты конституционно защищаемых ценностей³, что дает возможность уполномоченным государственным органам применять по отношению к иностранным гражданам административные меры, связанные с прекращением права последних на нахождение в Российской Федерации и их последующим удалением за пределы страны, в том числе в принудительном порядке. По смыслу ст. 61 Конституции мораторий на высылку из Российской Федерации не распространяется

---

¹ Часть 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации.

² Статья 4 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

³ Часть 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

на иностранных граждан. Данный подход согласуется с международными стандартами в области обеспечения прав человека¹.

Одной из существующих в российской правовой системе форм принудительной высылки иностранных граждан, не имеющих либо утративших право законного нахождения в нашем государстве, является их передача иностранным государствам на основании международных договоров о реадмиссии.

Рeadмиссии в страну гражданства либо в страну исхода подлежит лицо, въезд в Российскую Федерацию либо нахождение в Российской Федерации которого не соответствуют законодательству Российской Федерации, в том числе если в отношении такого лица принято решение суда о выдворении либо решение органов внутренних дел о депортации².

По международному праву иностранные граждане, вне зависимости от их правового положения в государстве нахождения, обладают рядом общепризнанных прав и свобод, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека (право на жизнь и свободу, личную неприкосновенность, защиту от дискриминации и др.).

Это же касается прав, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах, который применяется ко всем лицам, находящимся в пределах территории и под юрисдикцией государства.

Помимо этого, Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, провозглашает, что иностранцы пользуются правом на защиту от незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь, на равенство перед судом, свободу мысли, совести и вероисповедания, сохранение родного языка, культуры и традиций, а также перевод денежных средств за границу. Также данным международным актом предусматривается, что иностранные граждане не должны подвергаться пыткам или иному жестокому или унижающему достоинство обращению (наказанию).

Комиссия международного права ООН уделяет большое внимание вопросам высылки иностранных граждан и соблюдения их прав. В разработанном данным органом проекте статей о высылке, который, вероятно, в дальнейшем ляжет в основу нового международного акта, достаточно подробно отражены обязанности государств в отношении высылаемых с ее территории лиц, права иностранцев, подлежащих принудительному удалению с территории государ-

---

¹ См.: Часть 2 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ч. 3 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 2 Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают.

² Пункт 10 ст. 31, п. 1.3 ст. 32.2, п. 6 ст. 34 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

ства нахождения, а также случаи, при которых применение высылки невозможно.

В частности, в указанном проекте предусмотрены: обязательство уважать человеческое достоинство и права человека лиц, подлежащих высылке, запрещение всех форм дискриминации, защита права на жизнь высланных лиц, запрещение пыток или иного жестокого или унижающего достоинство обращения (наказания), обязательство уважать семейную жизнь, обязательство не высылать в государство, в котором жизнь иностранного гражданина находилась бы под угрозой, либо в котором он может быть подвергнут пыткам или иному жестокому виду обращения (наказания).

Также международным правом защищается право любого индивида на правовую защиту со стороны судебных, законодательных, исполнительных органов власти либо иного компетентного органа государства.

Иностранным гражданам, подлежащим реадмиссии, в полной мере в соответствии со ст. 46 Конституции РФ гарантируется судебная защита их прав и свобод. Они могут обжаловать любые решения и действия органов государственной власти (их должностных лиц) в судебном порядке, а также внесудебном, направив жалобу Президенту Российской Федерации, в Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Уполномоченному по правам человека, органы прокуратуры, а также в государственный орган, являющийся вышестоящим по отношению к государственному органу, принявшему решение, которое иностранец намерен обжаловать.

Порядок оспаривания принятых в отношении иностранного гражданина решений также прописан в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации¹.

Кроме того, если исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты, подлежащее реадмиссии лицо вправе обратиться за защитой своих прав в международные органы по защите прав и свобод человека, такие как Европейский суд по правам человека, Комитет по правам человека ООН.

Вместе с тем в российском законодательстве отсутствуют специальные нормы, регламентирующие сроки вступления в силу решения о реадмиссии, в результате чего оно подлежит исполнению с момента вынесения. В этой связи не исключается реадмиссия иностранца еще до того момента, как его жалоба на решение о реадмиссии будет рассмотрена в суде, что теоретически может рассматриваться как нарушение права на правовую защиту.

---

¹ Часть 1 ст. 218 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Однако в случаях, когда незамедлительная высылка иностранца оправдана приоритетом соблюдения общественного порядка либо национальной безопасности, Протоколом № 7 к Конвенции о защите прав и основных свобод допускается удаление иностранного гражданина из государства до осуществления указанного права¹.

Подлежащие реадмиссии иностранцы ограничены в свободе передвижения, а также выбора места пребывания и жительства, поскольку Конституцией РФ данное право предоставлено лишь законно находящимся на территории Российской Федерации лицам².

Так, непосредственно до исполнения принятого в отношении них решения о реадмиссии иностранцы могут размещаться в специальном учреждении органов внутренних дел, предназначенном для содержания лиц, подлежащих принудительной высылке³, что допускается положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴.

В обязательном порядке в ЦВСИГ помещается подлежащее реадмиссии лицо, у которого не имеется документов, удостоверяющих личность либо гражданскую принадлежность⁵.

В основе содержания иностранных граждан в специальном учреждении заключены принципы законности, гуманизма, уважения человеческого достоинства, личной безопасности, охраны здоровья. Не допускается любого рода дискриминация размещенных в ЦВСИГ лицах. В период содержания иностранцев в специальном учреждении не допускается причинение таким лицам физических или нравственных страданий.

Правилами содержания иностранцев в ЦВСИГ, определенными Правительством Российской Федерации, закрепляются права помещенных в них лиц на получение информации, в том числе о своих правах и обязанностях, режиме содержания, порядке подачи заявлений и жалоб, на личную безопасность, получение питания, места и времени для сна и досуга, первичной медицинской помощи, пользование телефонной связью, отправление религиозных обрядов и др.

---

¹ Статья 1 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав и основных свобод.

² Часть 1 ст. 27 Конституции РФ.

³ Далее – специальное учреждение, ЦВСИГ.

⁴ Подпункт «f» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

⁵ Пункт 2 ст. 32.2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Контроль за нахождением в Российской Федерации подлежащих реадмиссии лиц, которые не были помещены в специальное учреждение, до исполнения решения о реадмиссии осуществляется органами внутренних дел.

Интересен факт, что иностранцы, в отношении которых начата процедура реадмиссии, вправе покинуть Российскую Федерацию в добровольном порядке за счет личных средств, средств принимающей (приглашающей) стороны или иных источников¹. В 2019 году в данном порядке выехали из Российской Федерации 272 лица (19 % от общего числа иностранных граждан, подлежащих реадмиссии в 2019 году)².

В случае выезда лица за счет личных средств начатая в отношении него процедура реадмиссии подлежит прекращению, при этом право на последующий въезд в Российскую Федерацию ограничивается на три года, а не на пять лет, как в случае, если бы гражданин был передан в порядке реадмиссии.

Другие предусмотренные российским законодательством механизмы принудительной высылки (административное выдворение и депортация) не дают такого права.

Право на поиск убежища в государстве нахождения иностранцев, подлежащих реадмиссии, охраняется статьей 18 Всеобщей декларации прав человека. Причем такие лица могут ходатайствовать о предоставлении им как статуса беженца, так и временного убежища в Российской Федерации.

До принятия решения по итогам рассмотрения вышеуказанных ходатайства или заявления начатая в отношении них процедура реадмиссии приостанавливается³. Однако в этом случае содержание иностранцев в ЦВСИГ не прекращается. В отношении лиц, признанных беженцами либо получивших временное убежище, процедура реадмиссии подлежит прекращению.

Относительно соблюдения прав иностранных граждан при обработке персональных данных, следует отметить, что законодательство Российской Федерации о персональных данных допускает в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии возможность обработки специальных категорий персональных данных, а также биометрических персональных данных без согласия субъекта этих данных⁴.

---

¹ Статья 32.5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

² Данные предоставлены ГУВМ МВД России.

³ Подпункт 3 п. 1 ст. 32.4 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

⁴ П. 2.1 ч. 2 ст. 10, ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Данные нормы позволяют положительно решать вопросы, связанные с идентификацией и документированием лиц, подлежащих реадмиссии, которые не желают содействовать правоохранительным органам в установлении своей личности в целях отсрочки высылки из Российской Федерации.

Таким образом, в силу требований Конституции РФ и корреспондирующих им положений международных правовых актов права иностранных граждан могут быть ограничены федеральным законом в той степени, в которой это требуется в целях обеспечения государственной безопасности, общественного порядка, предотвращения противоправных посягательств, защиты публичных интересов.

При этом всем без исключения лицам, независимо от их правового положения, должны гарантироваться и предоставляться общепризнанные права и свободы человека, а государство должно соблюдать обязательство по обеспечению и защите основных социальных, экономических, культурных прав каждого человека, находящегося под его юрисдикцией, в том числе и иностранных граждан, пребывающих незаконно.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 25.05.2021).

2. Генеральная Ассамблея ООН. Доклад Комиссии международного права, 66-я сессия (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2014 года). A/69/10. – URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/5539eec34.html> (дата обращения: 25.05.2021).

3. Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают: утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/144 от 13 декабря 1985 г. – URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541084/> (дата обращения: 25.05.2021).

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 25.05.2021).

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп.). – URL: <https://base.garant.ru/2540800/> (дата обращения: 25.05.2021).

6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.05.2021).

7. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 25.05.2021).

8. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 25.05.2021).

9. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 25.05.2021).

10. Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии: постановление Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. № 1306 (ред. от 17 июня 2016 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_157232/ (дата обращения: 25.05.2021).

11. Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 117 (Страсбург, 22 ноября 1984 г.; с изм. и доп.). – URL: <https://base.garant.ru/2540805/> (дата обращения: 25.05.2021).

*Осинцев Дмитрий Владимирович,
профессор кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, доцент
e-mail: dimios@mail.ru*

КУЛЬТУРНЫЙ КОД РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В рамках научной статьи автор рассуждает о культурологическом потенциале конституционных изменений 2020 года в контексте соотношения и сравнительного анализа с положениями различных исторических периодов развития конституционализма в России. В результате анализа делается вывод о перспективах реализации научных изысканий в области конституционно-правовой науки.

Ключевые слова: конституционализм, Конституция РФ, поправки в Конституцию РФ, культурные основы конституционного строя.

*Osintsev Dmitry Vladimirovich,
Professor of the Department of Administrative Law
and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies
of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor*

THE CULTURAL CODE OF THE RUSSIAN CONSTITUTION AND PERSPECTIVES OF LEGAL RESEARCH

Within the framework of a scientific article, the author discusses the cultural potential of the 2020 constitutional changes in the context of correlation and comparative analysis with the provisions of various historical periods of the development of constitutionalism in Russia. As a result of the analysis, a conclusion is made about the prospects for the implementation of scientific research in the field of constitutional and legal science.

Key words: constitutionalism, the Constitution of the Russian Federation, amendments to the Constitution of the Russian Federation, cultural foundations of the constitutional order.

В контексте темы верным было бы начать с исторического аспекта, выявляя номотетический характер российского конституционализма, но лучше поговорить о текущем моменте, недалеком прошлом и ближайшем будущем.

Не исключено, что проект 2020, изменивший ключевой закон российского государства, преимущественно, был нацелен на реорганизацию администрирования современной системы государственного управления в России, поставив некоторые барьеры для развития деструктивных процессов в системе власти (речь идет о разноплановых ограничениях для российского чиновничества и высших должностных лиц государства), а также, сохраняя принципиальную властную организацию российского общества, перераспределив отдельные полномочия между представителями власти и создав дополнительные стадии принятия ключевых стратегических и управленческих решений (новые функции Госсовета, конституционной юстиции, представительных органов власти, единства государственной власти и местного самоуправления и пр.).

Впрочем, этот аспект, на который было обращено серьезное внимание масс-медиа, политических элит и широких слоев общественности, носит сугубо технический характер (по сути дела, если деятельность и так реализуется, а работа выполняется достаточно неплохо, то какая разница, кто ею занят, ведь результат и эффективность работы напрямую зависят от способностей и отношения к делу). В этой связи, какие бы искусственные или, скажем не боясь, порой фальшивые «оболочки» не насаждались на этнокультурный тип общества, они никогда не будут восприняты, а формы векового существования все равно найдут свой путь сквозь рутину нейтральных фреймов.

В этой связи вполне естественным образом в текст конституционного акта также были включены положения о смыслах существования веками сложившихся общественных устоев, поэтому текст Конституции России (1993), по всей видимости, перестал носить характер целостного дискурса, так как в нем объединены одновременно положения об идеологии правового государства, т. е. юридизации всех сторон жизни, всех явлений и процессов независимо от того, зависят они от человека или нет, породил он их или от них зависит (1), о философии персонализма (2), об этнокультурном смысле и самобытности существования (3), о схемах управления и администрировании в структуре власти (4), сколько будет денег, и как их перераспределить (5), имеется также специально юридический дискурс в части оперативных норм (6). Ситуация чем-то напоминает начало 90-х годов когда из конституционных актов «эпохи застоя» была изъята идеологическая составляющая о коммунистическом строительстве, и тут же весь остальной текст потерял смысл, а одновременное соединение мо-

делей западноевропейской и советской демократии создало ситуацию «короткого замыкания» во власти, что и выразилось в конституционных кризисах и сломе политической системы в 1991 и 1993 годах.

Представляется, что ныне вопрос об организации власти, перераспределении полномочий, сроках пребывания на государственных должностях, новых властных структурах и т. д. – это дискуссия второго, третьего и последующего планов (в общественных настроениях), тем более вовсе не интересным становится обсуждение юридического инструментария, который опосредует механизм властного влияния. Ведь для юристов, думается, на текущий момент времени более важной, первоочередной задачей в формировании правовой идеологии является определение того, что такое «хорошо», а что такое «плохо», причем хорошо и плохо не для Гренландии, Ботсваны, Люксембурга или Колумбии, а для нас, для той страны, где мы родились и живем! Более не требуется законных или незаконных подзаконных актов, которые будут твердить: все позволено, все доступно, всё равно и все равны, и ложь есть правда, а правда есть ложь, если это дает результат, лучше материальный – тут нечего обсуждать, это губительно и более не воспринимается и не устраивает большинство соотечественников (они это выразили во время июльского голосования в 2020 году).

Ведь не секрет, что давным-давно перестали вызывать какой-либо интерес вопросы о том, сколько чиновников, какие у них доходы и привилегии, коррупционные скандалы, и многая и многая из того, что касается собственной жизни политической элиты и бюрократии, сообщения об этих фактах и обстоятельствах вызывают, по крайней мере, равнодушие. Кстати сказать, личное наблюдение – в ходе обучения студентов и слушателей на разных образовательных уровнях наибольшее внимание аудитории и наибольшее количество присутствующих отмечено на курсах отечественной истории или культуры и этики управления, а вот наибольшее отторжение вызывает обучение вопросам противодействия коррупции и антикоррупционной экспертизы правовых актов.

Будучи, как и множество других правовых актов, проектом, нацеленным в будущее, Конституция самым необъяснимым образом становится артефактом с момента её принятия, актом ретроспективного характера, но не социальным проектом будущего общественного устройства. По большому счету, в ней отражаются те правовые модели, которые надо было бы внедрить в эпоху, предшествующую принятию нового конституционного акта, то есть задаваемая модальность звучит не очень удобной формулой: «Было бы хорошо, если бы такое было ранее, но, будем надеяться, что такое далее будет неплохо».

В самом деле, если посмотреть на узловые моменты действующей Конституции Российской Федерации (1993), закрепленные в ней положения о гуманитарных ценностях, правах человека, приоритете норм международного права по отношению к национальной системе правового регулирования, в целом – провозглашение курса построения правового государства, полиархическое построение государственного аппарата, культурное разнообразие и региональное развитие, местные инициативы – это не что иное, как реакция на неудовлетворительное политико-правовое положение, где либеральный политический режим прятался за тоталитарными правовыми формами его реализации.

Действительно, во-первых, если бы дали свободу творчества, зачем бы потребовалось возникновение диссидентского движения, которое, кстати сказать, действенным оказалось лишь как саркастический протест на пустые или откровенно ложные лозунги поздней советской эпохи, как оказалось далее, творческого начала в нем (этом диссидентском порыве) не было или таковое едва прослеживалось: «грязные» опусы бумагомазак, мазня художников-инфантилистов и попытки извлечения звуков из инструментов доморощенных «композиторов» уже давно никого не вдохновляют и не впечатляют – просто отсутствие таланта прикрывалось (кстати, до сих пор прикрывается) эпатажем, уродством и протестом-горнилом, в общем, больным воображением;

во-вторых, исключалась бы искусственно созданная проблема дефицита товаров легкой и пищевой промышленности, если бы были дозволены определенные формы коммерциализации торговли и общественного питания, а не создание уродливых гигантов, выдающих тысячами тонн продукты ненужного ширпотреба;

в-третьих, замена цековско-ведомственного инструктивного правотворчества на структурно-выверенную систему открытого правового регулирования с приоритетом законодательных актов не породила бы разочарование и неудовлетворительное отношение к властным инстанциям, как все время пытающимся что-то скрыть и обмануть подчиненные слои населения;

в-четвертых, аналогичные фокусы можно было проследить и во всех иных сферах, когда говорилось о разнообразии функций органов государственной власти и наличии руководства ими со стороны партийных, комсомольских, профсоюзных и иных организационных структур политического управления, когда естественное разнообразие людей, наций, народностей заменялось словосочетанием с мнимой атрибутикой и неясным содержанием – «советский народ», равноправные республиканские и региональные структуры подменялись административно-командной системой управления, а избираемые советы на-

родных депутатов служили декоративным придатком иерархически управляемых исполкомов.

Будь по-сказанному, брежневский период времени вообще бы не потребовал никаких реформ типа кадастройки (по А. А. Зиновьеву¹), не в плане материального достатка, а в плане структурной организации общества, т. е. положения современного конституционного политического устройства, не исключено, безотказно и безупречно работали бы в тот период времени, жаль, осознали это поздно и пора эта прекрасная прошла.

Когда же такого плана институциональные преобразования были брошены на другой политический режим – индивидуалистического эгоцентризма (не надо его называть либеральной демократией) – они просто не сработали, так как, во-первых, уже были не востребованы и не интересны, во-вторых, они разрушили традиционные устои общества, так как фактически все потворствовало произволу себялюбивого эгоиста, которому конституция и вовсе не нужна, такой субъект – сам себе князь, сам себе владыка, сам себе на районе господин!

Вот что интересно, если конституционный акт задает определенный настрой в политико-правовой организации общества, как можно объяснить тот феномен, что в недалеком прошлом Конституции СССР и РСФСР 1977 и 1978 годов, изобилующие напыщенными лозунгами, породили юридическую систему, создаваемую администраторами-технократами, напроць забывшими эти лозунги, это вовсе не следовало из содержания союзной и республиканских конституций? Ответ достаточно простой – конституционные идеологемы необходимо было претворить в удовлетворение общественно значимых потребностей населения многомиллионной страны, где социальные группы, слои, страты, да и отдельные люди не были объединены общими интересами, попросту говоря, при помощи этих административных актов надо было «сшить» частички, не имеющие общей структуры – фальшь очевидна.

Кстати сказать, все предыдущие Конституции России связаны с проявлением именно таких же признаков: неужели в 1918 году было уже не ясно, что более нет места в новой общественной системе нетрудовым элементам, и диктатура пролетариата уже наступила, а насчет существования выборных органов, так этот вопрос был решен еще в 1905 году, лишь название их поменялось, да числом преумножилось; про Конституцию РСФСР 1925 года особо заметить нечего – это, по сути, технический документ, сменивший пару идеологем (более не давим эксплуататоров – их и так уже нет, и не раздуваем пожар мировой

---

¹ См.: *Зиновьев А. А. Катастройка, Повесть о перестройке в Партграде.* Мюнхен, 1989. URL : <http://www.zinoviev.ru/rus/textkatastroika.pdf>

революции – слишком дорого обошлись предыдущие баталии, а теперь нет ни сил, ни ресурсов); соответственно, Конституция РСФСР 1937 года, закрепившая экономические основы социализма, по сути, констатировала уже свершившееся – индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию.

Опять же если внимательно сопоставить ключевые моменты конституций и направления развития законодательства, то никакой логики в появлении конституционного акта и последующего правотворчества не прослеживается: разве о развитии демократических институтов было первое советское законодательство? Нет, о тяжелой борьбе и классовом противостоянии, т. е. принципиально и жестко решался вопрос, для кого эти демократические институты; разве в 30-е и 40-е годы как-то развивалось хозяйственное законодательство? Ничего подобного, основной акцент был поставлен на реализации репрессивно-мобилизационной системы управления всеми направлениями жизни общества и человека. Про 1977 и 1978 годы уже говорили, повторяться не будем, единственное добавим, если бы действительно руководство компартии было воплощено в жизни, то социально-экономическая модель социализма была бы оптимальной и настолько привлекательной, что завладела бы всем человечеством, но об этом поздно вспомнили, когда эгоистичные диктаторский и волюнтаристский стили руководства уже нанесли непоправимый урон общественным настроениям и устоям.

Если перейти к современному периоду, то логика Конституции Российской Федерации 1993 года и развития последующего законодательства вовсе не коррелируют друг другу. Правовая система стала хаотичной, лихорадочной и бисерной, хотя уровни регулирования и вопросы, требующие правовой регламентации, получили почти математическое закрепление в тексте самой Конституции России (1993), опять же такое положение дел, в свою очередь, было сопоставимо с новыми общественными тенденциями – обеспечить сиюминутные интересы обезумевшей от свободы личности, которая зачастую и сама не знает, что хочет, но хочет чего-то своего. Вот и стали появляться законы о том, как осушить лужи¹ или как поливать цветы², мало того, юридический тоталитаризм до такой степени проник во всех сферы жизнедеятельности человека, что получили юридическое воплощение те явления и процессы, которые вовсе в этом не нуждались, ну например, властные предписания стали предъявляться к станкам и механизмам, зданиям и сооружениям, молоку и киселям, баночкам и коро-

---

¹ Часть 2 статьи 57 Водного кодекса Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

² Федеральный закон от 17 декабря 1997 г. № 149-ФЗ «О семеноводстве» // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5715.

бочкам и т. д., а большинство из этих законов и других правовых актов вовсе не нужно, так как это и вовсе не законы – это набор протоколов-описаний реализации частных интересов в определенных случайных обстоятельствах.

Злую шутку сыграл еще субъективный фактор, так как провозглашение свободы, автономии, диспозитивности вызвало тотальное использование цивилистических приемов организации всех юридических текстов, где за частным казусом стали искать всеобщие цели, ценности, деятельностные интересы и организационно-технические схемы воплощения социальных структур, вот в целом этот эксперимент и привел к «рассыпному законодательству».

Что касается конституционных изменений 2020 года – очевиден их культурологический смысл: о патриотической гордости, о нерушимости социальных устоев, о вековой памяти и исторической правде, о традиционных ценностях, о культурном наследии и т. д., вопрос: какие формы приобретет новая правовая система России, исходя из выраженного этнокультурного кода (кстати сказать, если бы он был заложен еще в 1993 году, можно было бы избежать многих катастроф и ужасов, что пережил российский народ за тридцатилетнюю постперестроечную эпоху), – опять же ответ прост: кто будет носителем инструментария, чтобы «сшивать» общественные устои, тот и будет правотворцем.

Если революционную конституцию создавали возвышенные романтики, то воплощала ее в жизнь уличная шпана. Если закаленные бойцы шли на невероятные жертвы, создавая текст третьей конституции, то реализовывать ее пришлось уже репрессивному аппарату. Если уверенные в своей правоте идеологи творили конституцию застоя, то явно воспользовались ее плодами напыщенные бюрократы. Если воодушевленные теоретики-правоведы заложили идеалы правового государства в рамках конституционного строительства конца 20 века (заметим, что конституционная норма о идеологическом разнообразии напрочь перечеркивается первой статьей действующей Конституции России – там провозглашена единственно возможная идеология – **«правовое государство»**, а дальше пошла его атрибутика: демократизм, республиканизм, федерализм, ну уж если буквально по Карлу Шмитту – идеология законодательного, а не правового государства¹ в таком случае провозглашается), то эти вдохновенные правоведы вовсе без боя отдали власть прагматичным юристам, чье сообщество заместило слой партийно-комсомольско-профсоюзной бюрократии и, не побоимся сказать, создало такой механизм, когда все иные общественные институты прямо или косвенно стали работать на содержание прослойки профессиональных юристов, учредивших ведомую только им систему социальных

---

¹ См.: Шмитт К. Государство. Право и политика. М.: Территория будущего, 2013. С. 55.

каналов и лабиринтов, искусственным образом создавших очереди в символические конторы официальной легализации намерений человека, многие из которых населению и вовсе не нужны, и поставившие своих аккредитованных представителей в эти очереди, – век оказался короток, даже не век, а четверть века (идеалы коммунистического движения держались, как минимум, в четыре раза дольше). Опять же необходимо честно признать, спасения и удовлетворения в идеалах правового государства, а тем более в юридической практике, не нашлось, идея дискредитирована и выхолощена.

Не исключено, что дальше произойдет то же самое со следующим слоем творцов текста Конституции – это **культурологи**, которые также без сбоя сдадут, точнее уже сдали, бразды управления общественным сознанием «деятелям искусства», кривлякам сцены, видимо, опять же ненадолго, но с артистами будет весело, правда, что-то знобит от этого веселья! Теперь стиль законодательства должен будет измениться на полемически-эмоциональный, правомерное и неправомерное будет основываться на художественных образах и субъективных идеалах, выдуманных сценариях и мифических героях.

Почему каждый раз верная и неоспоримая идея, закладываемая в Конституцию страны, превращается в ее противоположность, может быть, механизм реакции на предыдущую политическую практику позволит приоткрыть завесу к появлению такой закономерности? Не доверяйте юристам – за их деятельностью нет общественного идеала, – так вещают культурологи, как в свою очередь вещали юристы: не доверяйте идеологам – они лжецы, заставляют верить тому, во что сами ничуть не верят, – как идеологи твердили: не поклоняйтесь вождям, ибо они взбалмошны и непредсказуемы, – как прежде говорили вожди о народе, что он темен и не ведает, куда идет, как и народные массы провозглашали, что сами себя создадут и сотворят свою историю, – вот каждый из этих ориентиров становился идолом вместо идеала, а кумиры воздвигались вовсе не затем, чтобы вести к общему благу, а чтобы тени от этих кумиров падали и прикрывались доступ некоторых прослоек к присвоению общественного блага: менялись лишь формы и способы, а суть присвоения и отчуждения оставалась все той же.

Творцы современного конституционного творчества помянули Творца в Конституции, остается лишь уповать, что Творец помянет творцов во Царствии своем!

Можно констатировать, что появился новый акт, с новым содержанием, смыслами, пафосом текста, новыми структурными ассоциациями норм, необычной структурой самих этих норм и пр., тогда закономерным является во-

прос: какими могут стать юридические исследования в этнокультурных аспектах конституционного манифеста? Кстати сказать, в юридическом мышлении сложилась лицемерная традиция двойного рассмотрения конституционного облачения общественных отношений: первая – конституционный акт – безусловный ориентир социальной организации, вторая – обоснование легальности и авторитетности поступка со ссылкой на конституционную норму – пустой звук, вызывающий мягкую улыбку и поворот смысла под субъективное усмотрение и личную выгоду. Откуда такое желание сорвать пелену конституционализма и перейти к каким-то искаженным, а, может быть, наоборот, исконным смыслам?

Можно объяснить такие процессы взрывом пассионарности, которая так или иначе сворачивалась на протяжении тысячелетий и в то же время постоянно отвергла искусственные формы ее сдерживания и подавления. Не вдаваясь глубоко в формы искажения «духа народов», даже небольшой период европейской истории показывает насаждение необъяснимых никакими этническими корнями форм политико-правового устройства: славяно-германские народы, населившие европейское пространство в период заката Римской империи, получили две линии сосуществования – имперская и общинная, где, будучи обольщенными римской организацией власти, западно-европейские элиты навязали различным «лоскутным» этносам именно имперскую организацию жизни. Славянские же племена более-менее успешно отражали попытки такого насаждения чуждой им ментальности и легальности.

Реакция на средневековый империализм была мгновенной – развал государства Карла Великого и постоянные войны курфюрстов, князей, герцогов, баронов и прочей знати друг с другом за первенство, а также вековые споры между Папой Римским и Императором Священной Римской Империи германской нации об инвеституре – о фиктивном первенстве во власти, разбавляемые походами в Палестину.

Закончилась эта распря вполне закономерной реакцией – религиозными войнами между протестантами и католиками, которые, в конце концов, вылились в опустошительную Тридцатилетнюю войну, завершившуюся Вестфальским миром, сопровождавшимся не только международным, но еще и новым конституционным мироустройством¹, где светский абсолютизм соседствовал с преобладанием той или иной господствующей ветви религиозных учений, которой благоволил светский властитель, еще более заглушившей исконные культурные корни европейцев. Кстати сказать, поддались влиянию прежде твердо стоявшие на незыблемых духовных устоях славянские народы, где для начала

---

¹ См.: *Веджвуд С. В.* Тридцатилетняя война. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2012. 571 с.

был легализован церковный раскол, а тяга к имперской конституционализации была реализована путем прямого копирования и подражания западноевропейским образцам. Интересный факт: эти абсолютистские устремления правителей, имевшие религиозную подоплеку, оформились практически синхронно: Вестфальский мир заключен в 1648 году, а Соборное уложение утверждено в 1649 году.

Если уж следовать крупной хронологии сокрытия этноса под пеленой конституционализма, то третий большой этап начался тут же с 1649 года – революционные события в Англии (казнь короля Карла I Стюарта, недолгие республиканские шатания, реставрация и консервация конституционного монархизма, существующего доселе) – и далее череда низвержений абсолютистского стиля правления на либерально-демократический, когда конституции появились в буквальном наименовании и значении этого юридического документа, породившие ряд мнимых институтов якобы справедливого формирования органов власти и рикошетом заложивших различные философские учения в политико-правовое устройство, которые в результате мучительных исканий пришли к общему знаменателю – **эталонная конституция – это манифест персонализма**¹! При этом победное шествие конституционализма по европейской цивилизации, в конечном счете, связало неразрывными путями и скрыло за ворохом бессодержательных, а порой и губительных псевдоценностей традиционный стиль жизни, *превратив население Европы в популяцию*.

Может быть, в том и кроется разгадка феномена неудовлетворенности конституционализмом, а порой краха конституционного строительства, – произошел ряд подмен, когда юридическое мышление работало в парадигме философии персонализма, но этот дискурс выступил неоспоримым императивом в профессиональном сознании юристов, а концепты, представления и порой фантастические измышления стали представляться как достижения науки и постулаты юридической практики. Стоит отметить, что раскрытие тайны толкования современных текстов правовых актов, которое звучит в вердиктах конституционной юстиции, носит вовсе не юридический характер – это философские концепты высшей судебной интеллигенции, сопровождающиеся субъективной логикой прочтения правовых актов, подведенной под ситуацию и обстоятельства, когда противоречивые и противоположные положения правовых актов являются одинаково конституционными или не соответствующим ей (например, по-

---

¹ См.: Бердяев Н. Персонализм и марксизм // Путь. 1935. № 48; Маритен Ж. Человек и государство. М.: Идея-Пресс, 2000. URL: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Mariten/_Index.php; Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999; Лакруа Ж. Избранное: персонализм. М.: РОССПЭН, 2004.

ложения о выборах губернаторов населением, назначении Президентом России или законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации – являются одинаково демократичными, хотя население порой и вовсе не участвует в этих процессах).

Однако такой ситуативный обман, когда провозглашался всеобщий равный для всех незыблемый закон, правда, понятный лишь его творцам и содержащий «двойное дно» смыслов, который служил не общественному благу, а тут же оборачивался субъективной выгодой, интуитивно чувствовался и вызывал неизбежную реакцию на его внедрение в общественное сознание (смиритесь с тем, что собственность может быть у всех, но вам конкретно не повезло, что говорить можно свободно обо всем, что даже больно и отвратительно собеседнику и подавляющему большинству населения, и вообще говоря, это моя точка зрения, а это моя – вот и договорились, только о чем? Что собственные увлечения, отклонения и извращения должны быть не только допустимы, но и признаны и поощряемыми другими членами социума и пр.), – это все чужое, мы это не приемлем, оградите нас от насаждения этих лжеучений!

Сказанное было показательным примером политико-институционального внедрения практик конституционализма, есть еще одна – специально юридическая сторона этого вопроса, когда наряду с присвоенным образом римского государственного устройства апологеты юридического сообщества выразили претензию на преемственность правовых систем римского права, а затем, корнями уходящей в нее европейского права, экстраполяции такой практики на иные страны и народы, где Россия не является исключением¹.

Кстати сказать, разговоры о каналах проникновения римского права в современную правовую традицию до сих пор не утихают, хотя, представляется, ничего интересного для изучения в них уже нет. Н. Н. Тарасов утверждает, что Европа заимствует не столько римское право, сколько структуру римского правового мышления (похоже, что это слишком завышенная оценка того, что происходило на самом деле, лучше не приписывать тех свойств, о которых даже сами носители не подозревали), но тут же возникают два серьезных вопроса: почему на протяжении шести-восьми столетий Европа в рецепции римского права вовсе не нуждалась, и вдруг такой неподдельный интерес (!), почему глоссаторы начали работать только в Италии, Германии и Франции, и то далеко не во всех регионах этих стран?

---

¹ См.: Тарасов Н. Н. Правовая традиция и преемственность в праве: методологические основания исследования // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 5; URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%A2%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2.pdf>

Действительно, почему современные Испания, Португалия, Англия, Австрия, Венгрия, Чехия, польские и литовские земли, кстати сказать, Греция (ведь все твердят об учении Аристотеля в интеллектуальной традиции глоссы), некоторые другие государства не переняли также бурно и с интересом традиции римского права? У народов этих стран были вовсе другие задачи на тот период времени – борьба с постоянной внешней экспансией, утверждение вероисповедания, элементарное выживание и позиционирование себя на карте европейской цивилизации.

Дело в том, что в ряде институциональных образований средневековой Европы – торговых республиках и союзах, вольных городах и т. п. – нужны были не структуры римского правового мышления, а именно образчики оформления римлянами экономических контактов (ведь предметом договорных отношений стали не носители рабочей силы (рабы) как созидательной энергии, создающей национальное богатство, а отчужденная от работника абстрактная рабочая сила при условии формальной свободы при ее купле-продаже), так как подобные договорные формуляры позволяли легально наживаться купеческому сословию и дельцам-бюргерам, избегая какой-либо ответственности за прямой экономический обман и доведение до нищеты и разорения контрагентов и конкурентов, то есть формальное римское право, истолкованное в Западной Европе той самой эпохи стало правом «торгашей», иначе говоря, если бы флорентийские, венецианские, ганзейские и прочие авантюристы и коммивояжеры следовали бы строго образцам римского правового мышления, то ни один их корабль из гавани не вышел бы¹.

Почему же источниками глоссы стали университеты? На этот вопрос ответить еще проще, ибо католические церковные догматы запрещают сделки, влекущие наживу, а легализовать такие практики необходимо было путем построения «жестких силлогизмов» – подходящей для этого «фабрикой мысли» стали университеты – альтернатива монастырской морали и образованности, можно было бы найти и более авторитетных покровителей, но короли и бароны то были заняты в крестовых походах, то бились друг с другом, то не могли вмешаться в дела вольных общин, и последние этого не желали, то просто были невеждами.

Ничего возвышенного и пафосного в рецепции римского права нет, это обычное псевдолегализованное жульничество, возведенное в «волю господствующего класса». Кстати сказать, в образцах европейского мышления такой подход стал превалирующим, например, можно оспорить легитимность дея-

---

¹ См.: Полдников Д. Ю. Договорные теории глоссаторов. М.: Академия, 2008. 352 с.

тельности правителей любой страны, если приписать им недемократичность поведения и провести это через один из формальных институтов евробюрократии, чтобы расшатать любые основы государственности и элементарного порядка: допустим, что ЕСПЧ не устраивает организация предварительного следствия в той или иной стране, будет сделан вывод о лишении пострадавших от преступлений права на судебную защиту, затем резолюции Европарламента достаточно для дискредитации действующей власти и выдвижения любого самозванца на трон властителя чужой земли.

Так вот этот дурной пример – распространение римских формуляров как эталонного образца юридической деятельности – в связи с последующим повсеместным засильем капиталистической формации вызвал планетарное распространение норм усопшего римского права в его различных превращенных формах, а также повлек идеологическую реакцию против подобного жульничества – марксизм! Правда, это философское учение, развенчав язвы капиталистического общества, не сняло социальные противоречия, не разрешило проблемы правопонимания в его справедливом представлении, это учение было не об истине, а опять о деньгах, точнее о правилах их распределения. При этом марксистское учение подверглось серьезной метаморфозе со стороны юридического сообщества, в нем вместо философии заставили окружающих увидеть науку, а далее достаточным было убедить интересантов, что существует особая наука о праве – допустим, именуемая правоведение – а после того, как говорится, дело техники – приписать те признаки, которых никогда у юриспруденции не было, так как у нее нет научного предмета: (1) у неё нет проблем, так как есть только ситуационные затруднения, (2) нет задач – программы, (3) нет онтологий – проекты, (4) нет методик – процедуры, (5) нет моделей – формуляры, (6) нет знаний – информация, (7) нет особых языков выражения – особые фигуры речи, основанные на естественных языках, только исковерканных правотворцами, (8) наконец, нет фактов – есть квалификация обстоятельств, порой вольная и надуманная¹, иначе говоря, *мы не исследуем и не создаем научный предмет, мы просто практикуем, начиная от нормы-проекта, ее последующего объяснения-понимания и завершая реализацией-трансляцией.*

Если же сводить научное освоение права как ряд непреложных догматов: за преступлением следует наказание, причиненный вред должен быть заглажен, только суд обеспечит справедливое разрешение спора и пр. – мало того, что сами по себе эти постулаты сомнительны, так себе – на слабенькую «двоячку» с

---

¹ См.: *Щедровицкий Г. П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 245.

плюсом, то их утверждение – так это вовсе не наука, а бытовое мировосприятие. Может быть, резко будет звучать следующее утверждение, но современное юридическое освоение социальных практик сведено к тому, что и как назвать, а не что и как познать, а такой подход является не научным, схоластическим.

Когда Н. Н. Тарасов утверждает, что ныне сложилась ситуация, предполагающая переход от научного освоения права к его рассмотрению с позиций целе- и ценностно-ориентированного подхода¹ (позволим заметить, то, что люди именуют ценностями – чаще всего выступает их мелкими склонностями, порой дурными, но принимаемая в том или ином сообществе как значимая «исповедальная записка» вдруг становится ценностью – выдали ложь за правду и наоборот), так тут ничего нового вовсе нет, так как цели и ценности находят свое выражение в изучаемых правовых феноменах, и одно дело право как научный объект или правовые формы науки, право как ценность или ценности в праве, здесь смешаны основания для фокусирования нашего внимания: в одном случае знаниевый подход, а в другом – конструктивно-технический, – более того, можно еще и заниматься проблемами правоведения через приоритеты («для защиты национальных интересов все средства хороши»), через намерения и установки («это моя позиция, только она подлежит признанию и защите»), через противоречия («уничтожение классового врага для торжества справедливости неоспоримо»), через нормативистику (право взамен морали) и др. – только вот эти приёмы юридической эквилибристики ничего не дают, это все не о праве, а о его встраивании в философские концепты, такое воззрение аналогично тому, как бы мы судили о человеке по его окружению, не касаясь его самого.

Ныне живущим и здравствующим отечественным правоведам наиболее близкими, в силу личного опыта, являются две тенденции в юридических исследованиях: подход с позиций классовой идеологии или с концептов персоналистской философии (демаркация проводится по последнему десятилетию XX века), но теперь, что тот, что другой – бессильны, да, безусловно, они практикуются, только несут более вреда, чем пользы, когда получают нормативное воплощение и внедряются в юридические практики, и вовсе не способствуют достижению баланса различных интересов. Хотелось бы посмотреть, что можно будет сделать, используя две перечисленных концепции при толковании, а тем более построении новой системы законодательства применительно к статье 67.1 Конституции Российской Федерации:

---

¹ См.: Тарасов Н. Н. О некоторых методологических проблемах нашего права и правоведения // Академический юридический журнал. 2020. № 2. С. 4, 5.

«2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство.

3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается.

4. Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения».

В таком эпическом возвышенном тексте явно уже не звучат лозунги-кокарды французских баррикад или освободительные нотки пришельцев на земли Америки, не воспевается крушение «идолов коммунизма», здесь явно прослеживается глубинный этнокультурный код, который основан на недопустимости привнесения чужеродных элементов: не ставить под сомнение самобытность, успешность, самостоятельность, героическое прошлое и настоящее, незыблемость строя и пр. отечественные достижения, – в свою очередь юридическая деятельность должна быть направлена на создание таких механизмов, которые не просто бы запрещали пренебрежение к нашим идеалам, но исключали бы ненавистников и клеветников на Отечество из юридического общения до полного осознания собственных ошибок и заблуждений.

Это же следует из элементарного здравомыслия: если передо мной лжец, я не буду участвовать с ним в доверительном управлении; если передо мной бездельник, я не найму его на работу; если передо мной провокатор, то пусть сам совершит то, на что меня подталкивает, а лучше откажется от своих замыслов, – только вот в любом случае очевидно, что право остается правом, лишь акцент регулирования сместился с пресловутых общественных отношений, индивидуалистического интереса, на исторические смыслы и вековые традиции существующей цивилизации. Если в первом случае был ошибочно провозглашенный «единственно верный» догмат, определяющий стиль жизни, иначе – запреты и репрессии, во втором – никаких догматов нет, и все дозволено, а запрещено лишь то, что пока не практиковалось и не вошло в обиход, в третьем – есть вековой идеал, ценность которого не оспаривается, не подлежит сомнению, так как через него выжил, спасся и существует тот или иной этнос, оппо-

зиционная точка зрения признается разрушительной, ее носитель исключается из политического или юридического общения.

Иначе говоря, вопрос лишь в ином содержательном наполнении юридического инструментария, а сам по себе он не меняется, другой вопрос, что современным исследователям придется сменить подход с философского, на этнокультурный, побольше обращаться к отечественной истории, чем к пустословию иноземных философов, работа огромная и начинать практически придется с нуля, иначе, приходится признать: никто сейчас не знает, что исследовать, как исследовать, и куда мы идем!?

Список литературы

1. *Бердяев Н.* Персонализм и марксизм / Н. Бердяев // Путь. – 1935. – № 48.
2. *Веджвуд С. В.* Тридцатилетняя война / С. В. Веджвуд. – Москва: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. – 571 с.
3. *Зиновьев А. А.* Катастрожка, Повесть о перестройке в Партграде / А. А. Зиновьев. – Мюнхен, 1989. – URL: <http://www.zinoviev.ru/rus/textkatastroika.pdf>.
4. *Лакруа Ж.* Избранное: персонализм / Ж. Лакруа. – Москва: РОС-СПЭН, 2004.
5. *Маритен Ж.* Человек и государство / Н. Бердяев. – Москва: Идея-Пресс, 2000. – URL: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Mariten/_Index.php
6. *Мунье Э.* Манифест персонализма / Э. Мунье. – Москва: Республика.
7. *Полдников Д. Ю.* Договорные теории глоссаторов / Д. Ю. Полдников. – Москва: Академия, 2008. – 352 с.
8. *Тарасов Н. Н.* О некоторых методологических проблемах нашего права и правоведения / Н. Н. Тарасов // Академический юридический журнал. – 2020. – № 2.
9. *Тарасов Н. Н.* Правовая традиция и преемственность в праве: методологические основания исследования / Н. Н. Тарасов // Российский юридический журнал. – 2020. – № 3. – URL: <http://electronic.ruzh.org>.
10. *Шмитт К.* Государство. Право и политика / К. Шмитт. – Москва: Территория будущего, 2013.
11. *Щедровицкий Г. П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности / Г. П. Щедровицкий. – Москва: Школа культурной политики, 1995.

*Тепляков Игорь Игоревич,
доцент кафедры конституционного права
Уральского института управления – филиала
РАНХиГС, кандидат юридических наук
e-mail: teplyakov-ii@ranepa.ru*

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В СФЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО
МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ**

В статье анализируется современное состояние научных исследований в рамках научной специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право применительно к современному механизму государственной научной аттестации. Приводятся данные о защитах диссертаций по исследуемой научной специальности за период 2016–2020 гг. Анализируются изменения, обусловленные введением процесса самостоятельного присуждения ученых степеней, дается прогноз на дальнейшее состояние рассматриваемых научных исследований с учетом изменения номенклатуры научных специальностей, анализируются потенциальные позитивные и негативные аспекты данного процесса.

Ключевые слова: научные исследования, конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право, присуждение ученых степеней, государственная научная аттестация, диссертационный совет.

*Teplyakov Igor Igorevich,
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Constitutional Law
Ural Institute of Management, a branch of RANEPA*

**ACTUAL TRENDS OF SCIENTIFIC RESEARCH
IN THE FIELD OF CONSTITUTIONAL LAW IN THE CONTEXT
OF THE MODERN MECHANISM OF STATE SCIENTIFIC ATTESTATION**

The article analyzes the current state of scientific research in the framework of the scientific specialty 12.00.02 – constitutional law; constitutional litigation; municipal law in relation to the modern mechanism of state scientific attestation. The data on the defense of dissertations in the research specialty for the period 2016–2020 are presented. The article analyzes the changes caused by the introduction of the process of self-awarding academic degrees, gives a forecast for the further state of the scientific research under consideration, taking into account the change in the nomenclature

of scientific specialties, analyzes the potential positive and negative aspects of this process.

Key words: scientific research, constitutional law, constitutional litigation, municipal law, awarding academic degrees, state scientific attestation, dissertation council.

Насыщенные события 2020 года в публично-правовом поле (прежде всего – Общероссийское голосование по внесению изменений в Конституцию Российской Федерации, принятую 12 декабря 1993 г.) определили возрастающий интерес к науке конституционного права Российской Федерации. Представляется, что опыт прошедшего года и события настоящего времени формируют устойчивую базу для развития научных исследований современного поколения конституционалистов.

Вместе с тем, по стечению обстоятельств, параллельно претерпевает серьезную трансформацию действующий механизм государственной научной аттестации: реформирование системы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, внедрение новой модели самостоятельного присуждения ученых степеней, утверждение новой номенклатуры научных специальностей. Все эти события существенным образом влияют на реализацию свободы научного творчества, закрепленную ч. 1 ст. 44 Конституции РФ. Примечательно, что де-факто масштаб происходящих преобразований затрагивает права и интересы всех субъектов государственной научной аттестации (диссертанты, научные руководители и консультанты, члены диссертационных советов, образовательные и научные организации, регулятор государственной политики в сфере науки – Министерство науки и высшего образования в Российской Федерации).

Таким образом, актуальным представляется определить современный вектор направлений научных исследований в сфере государственного строительства, проследить динамику изменений существенных условий данных исследований в контексте государственной научной аттестации, выявить позитивные и негативные аспекты обозначенных изменений.

Для настоящего исследования определены следующие основные параметры:

1) под научными исследованиями в сфере конституционного права понимаются успешно защищенные диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научной специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право;

2) временной период исследования составляет 5 лет (2016–2020 гг.);

3) источниками исследования выступают:

– нормативные правовые акты в сфере государственной научной аттестации;

– локальные акты образовательных организаций высшего образования, размещенные на их официальных сайтах в сети «Интернет»;

– информация с официального сайта Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (<https://vak.minobrnauki.gov.ru>), с официальных сайтов образовательных организаций высшего образования и научных организаций (разделы научной аттестации).

Разумным представляется начать исследование с анализа положения государственной научной аттестации в 2016 году. Данный период характеризуется действием стандартного порядка подготовки к государственной научной аттестации и ее организации при подготовке научных исследований в рамках аспирантуры, деятельности диссертационных советов в соответствии с требованиями Министерства образования и науки Российской Федерации¹. По результатам авторского мониторинга приведены следующие данные (табл. 1).

Таблица 1

***Защиты диссертаций по научной специальности 12.00.02 –
конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право в 2016 году***

Направления специальности 12.00.02	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего диссертаций
конституционное право	45	3	48
конституционный судебный процесс	7	1	8
муниципальное право	7	–	7
ВСЕГО по специальности 12.00.02	59	4	63

¹ Приказ Минобрнауки РФ от 5 декабря 2014 г. № 1538 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации)» (ред. от 30 апреля 2015 г.) // Российская газета. 2015. 4 февраля; Приказ Минобрнауки РФ от 10 ноября 2017 г. № 1093 «Об утверждении положения о совете по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (ред. от 24 февраля 2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

По результатам анализа представленных данных следует отметить следующее: значительный разброс в количестве защит между кандидатскими и докторскими диссертациями (примерно в 15 раз), существенное преобладание количества диссертаций, посвященных проблемам конституционного права, в сравнении с исследованиями, которые акцентированы на конституционном судебном процессе и муниципальном праве (в 6 раз).

Также интересным представляется соотношение количества защищенных диссертационных исследований по организациям, на базе которых на тот момент действовали диссертационные советы (табл. 2):

Таблица 2

Защиты диссертаций по научной специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право в 2016 году по образовательным организациям высшего образования и научным организациям

Организация	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего диссертаций
МГУ им. М.В. Ломоносова	5	1	6
УрГЮУ	4	1	5
РАНХиГС	1	1	2
Омский ГУ	–	1	1
Пензенский ГУ	8	–	8
НИУ ВШЭ	5	–	5
РУДН	5	–	5
СГЮА	4	–	4
МГЮУ им. О.Е. Кутафина	3	–	3
Белгородский НИУ (совм. Воронежский ГУ, Орловский ГУ)	3	–	3
Университет Прокуратуры РФ	3	–	3
ТюмГУ	3	–	3
КФУ	3	–	3
РПА Минюста РФ	3	–	3
МГИМО	2	–	2
ИГиП РАН	2	–	2
МУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя	2	–	2
СПбГЭУ	2	–	2
ИЗиСП Правительства РФ	1	–	1
ВСЕГО	59	4	63

Из представленных данных следует, что в 2016 году защиты диссертаций в рамках научной специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право проходили в советах на базе 19 организаций. Из них 17 – образовательные организации высшего образования, 2 – научные организации. При этом 11 организаций дислоцируется в г. Москве, что позволяет сделать вывод об определенной «региональной монополизации» процесса государственной научной аттестации.

Далее следует рассмотреть процесс государственной научной аттестации в динамике за 5 лет (2016–2020 гг.). Данные представлены в табл. 3.

Таблица 3

Защиты диссертаций по научной специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право за 2016–2020 гг.

Год	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего диссертаций
2016	59	4	63
2017	56	3	59
2018	30	2	32
2019	47	10	57
2020	25	5	30
ВСЕГО	217	24	241

Обращает на себя внимание «западание» количества защит диссертаций в рамках исследуемого направления в 2018 и 2020 гг. По нашему представлению, снижение количества защит в 2018 году обусловлено, прежде всего, уменьшением количества диссертационных советов в результате оптимизации согласно «дорожной карты» ВАК. Проблема снижения количества защит в течение 2020 года, в том числе, связана с внедрением нового механизма государственной научной аттестации в рамках права самостоятельного присуждения ученых степеней, предоставленного отдельным образовательным и научным организациям¹. При этом право присуждать диссертации по юридическим наукам самостоятельно получили 12 образовательных и научных организаций². Любопыт-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 23 августа 2017 г. № 1792-р «Об утверждении перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым – четвертым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ» (ред. от 31 августа 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 35. Ст. 5392.

² Приказ Минобрнауки РФ от 16 октября 2018 г. № 48н «Об утверждении перечня отраслей науки, в рамках которых научным организациям и образовательным организациям высшего

ным представляется тот факт, что представленные организации пошли по различным путям организации диссертационных советов. Обобщенные данные по данному вопросу представлены в табл. 4.

Таблица 4

Образовательные организации высшего образования, получившие право самостоятельного присуждения ученых степеней по юридическим наукам

Организация	Порядок создания/деятельности диссертационного совета
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	(1) диссертационный совет создается и действует на постоянной основе
Санкт-Петербургский государственный университет	(2) диссертационный совет создается для защиты каждой диссертации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет	(3) диссертационный совет создается и действует на постоянной основе, с возможностью введения дополнительных членов совета
Казанский (Приволжский) федеральный университет	(4) диссертационный совет создается и действует на постоянной основе (одновременно возможно создание «разового» совета)
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации	(2) диссертационный совет создается для защиты каждой диссертации
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	(5) после создания диссертационного совета, образуется комитет / комиссия по защите
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	(5) после создания диссертационного совета, образуется комитет / комиссия по защите
Российский университет дружбы народов	(4) диссертационный совет создается и действует на постоянной основе (одновременно возможно создание «разового» совета)

образования, включенным в утвержденный Правительством Российской Федерации в соответствии с абзацем шестым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» перечень, предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым – четвертым пункта 3.1 статьи 4 указанного Федерального закона» (ред. от 11 ноября 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

Южный федеральный университет	(4) диссертационный совет создается и действует на постоянной основе (одновременно возможно создание «разового» совета)
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	(2) диссертационный совет создается для защиты каждой диссертации
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации	(1) диссертационный совет создается и действует на постоянной основе
Национальный исследовательский Томский государственный университет	(3) диссертационный совет создается и действует на постоянной основе, с возможностью введения дополнительных членов совета

Также следует подчеркнуть, что данные организации получили права создания диссертационных советов по отраслям наук в целом, т. е. в рамках юридических наук – защиты диссертаций по любой из 15 научных юридических специальностей. Такой дифференцированный подход, по нашему мнению, вводит определенное неравенство между советами, создаваемыми организациями самостоятельно, и диссертационными советами, созданными по «классической схеме».

Далее следует рассмотреть соотношение количества защит диссертаций по исследуемой научной специальности в рамках самостоятельного присуждения ученых степеней и диссертационных советов, продолжающих действовать по требованиям ВАК (табл. 5).

Таблица 5

Защиты диссертаций по научной специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право в диссертационных советах за период 2019–2020 гг.

Год	Канд. (ВАК)	Канд. (СС)	Докт. (ВАК)	Докт. (СС)	Канд. ВСЕГО	Докт. ВСЕГО	ВСЕГО
2019	38	9	7	3	47	10	57
2020	13	12	2	3	25	5	30

Примечания:

Канд. (ВАК) – диссертация на соискание ученой степени кандидата наук, защищенная в диссертационном совете, созданном на основании приказа Минобрнауки РФ.

Канд. (СС) – диссертация на соискание ученой степени кандидата наук, защищенная в диссертационном совете, созданном на основании приказа образовательной орга-

низацией высшего образования в рамках реализации права самостоятельного присуждения ученых степеней.

Докт. (ВАК) – диссертация на соискание ученой степени доктора наук, защищенная в диссертационном совете, созданном на основании приказа Минобрнауки РФ.

Докт. (СС) – диссертация на соискание ученой степени доктора наук, защищенная в диссертационном совете, созданном на основании приказа образовательной организацией высшего образования в рамках реализации права самостоятельного присуждения ученых степеней.

Из представленных данных следует, что если в 2019 году количество защит по правилам ВАК преобладало над защитами в рамках механизма самостоятельного присуждения ученых степеней, то в 2020 году количество защит кандидатских диссертаций практически сравнялось, а количество защит докторских диссертаций в рамках самостоятельных советов пусть незначительно, но преобладает над защитами в системе ВАК.

Наконец, необходимым представляется выявить соотношение защит диссертаций по исследуемой научной специальности в сравнении с другими научными специальностями по юридическим наукам за 2019–2020 гг. Указанные данные представлены в табл. 6.

Таблица 6

Сравнение общего количества защит диссертаций по научной специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право в сравнении с другими научными юридическими специальностями за период 2019–2020 гг.

Научная специальность	Канд. 2019	Докт. 2019	Канд. 2020	Докт. 2020
12.00.01	66	7	45	7
12.00.02	47 (4 из 15)	10 (3 из 15)	25 (6 из 15)	5 (3 из 15)
12.00.03	70	11	62	11
12.00.04	19	1	12	–
12.00.05	13	1	11	–
12.00.06	6	–	5	1
12.00.07	4	–	4	–
12.00.08	91	16	53	5
12.00.09	37	2	39	3
12.00.10	32	4	19	3
12.00.11	21	–	5	–
12.00.12	24	4	39	1

12.00.13	3	-	2	2
12.00.14	36	2	22	3
12.00.15	13	3	16	–
ВСЕГО	482	61	359	34

Таким образом, следует зафиксировать, что с точки зрения результативности и «общеправовой актуальности» специальность 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право занимает весьма достойное положение и находится среди шести лидирующих научных специальностей в разрезе защит как кандидатских, так и докторских диссертаций.

Последним существенным элементом, на котором следует сделать акцент, является обновление номенклатуры научных специальностей, зафиксированное в Приказе Минобрнауки РФ 2021 года¹. Для юридических наук эти изменения ведут к существенной оптимизации перечня научных специальностей – 15 специальностей реорганизованы в 5. При этом регулятор не дал никаких разъяснений о предполагаемом объединении научных специальностей. Окончательно этот вопрос должен быть решен при утверждении паспортов новых научных специальностей. Вместе с тем на данный момент считаем возможным предложить авторский анализ такого соотношения (табл. 7).

Таблица 7

Соответствие новой номенклатуры научных специальностей по юридическим наукам

Новая специальность	Предыдущие специальности (предполагаемый вариант)
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки	12.00.01
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки	12.00.02, 12.00.04, 12.00.13, 12.00.14
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки	12.00.03, 12.00.05, 12.00.06, 12.00.07, 12.00.15
5.1.4. Уголовно-правовые науки	12.00.08, 12.00.09, 12.00.11, 12.00.12
5.1.5. Международно-правовые науки	12.00.10

¹ Приказ Минобрнауки РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

Таким образом, по итогам приведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Официальные данные за период 5 лет (2016–2020 гг.) показывают, что научная специальность 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право является актуальным направлением для проведения научных исследований в сфере юриспруденции, занимает одно из ведущих положений с точки зрения научной результативности среди всех 15 научных юридических специальностей.

2. Характерной особенностью рассмотренной научной специальности является преобладание научных исследований, посвященных актуальным проблемам конституционного права. При этом количество исследований, посвященных проблемам конституционного судебного процесса и муниципального права, в разы меньше. Вопрос такого соотношения представляется достаточно интересным, выходящим за пределы обыденной «научной популярности», и требует отдельного исследования.

3. Процессы внедрения механизма самостоятельного присуждения ученых степеней, введение новой номенклатуры научной специальности, безусловно, оказывают существенное влияние на дальнейшие научные исследования в рамках конституционного права. Ключевыми потенциальными рисками в данном случае выступают:

– «региональная монополизация» сети диссертационных советов – базового звена государственной научной аттестации по любой научной специальности;

– деформация устоявшихся положений российской школы конституционного права при разработке паспорта научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

В рамках преодоления потенциальных рисков разумным представляется:

– оперативное и перманентное взаимодействие ведущих ученых-конституционалистов в целях обеспечения гармонизации системы государственной научной аттестации (наличия достаточного количества диссертационных советов, обусловленных потребностями государства, научного общества, «всероссийский охват» сети диссертационных советов по проблемам конституционного права);

– отстаивание позиции всероссийской школы конституционного права при формировании паспорта научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки на уровне экспертного совета и президиума ВАК при Минобрнауки Российской Федерации.

Список литературы

1. Приказ Минобрнауки РФ от 5 декабря 2014 г. (ред. от 30 апреля 2015 г.) № 1538 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации)» // Российская газета. 2015. 4 февраля.

2. Приказ Минобрнауки РФ от 10 ноября 2017 г. (ред. от 24 февраля 2021 г.) № 1093 «Об утверждении положения о совете по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru.

3. Распоряжение Правительства РФ от 23 августа 2017 г. (ред. от 31 августа 2020 г.) № 1792-р «Об утверждении перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым – четвертым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 35. – Ст. 5392.

4. Приказ Минобрнауки РФ от 16 октября 2018 г. (ред. от 11 ноября 2020 г.) № 48н «Об утверждении перечня отраслей науки, в рамках которых научным организациям и образовательным организациям высшего образования, включенным в утвержденный Правительством Российской Федерации в соответствии с абзацем шестым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» перечень, предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым – четвертым пункта 3.1 статьи 4 указанного Федерального закона» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru.

5. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которой присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru.

*Тетерятников Николай Юрьевич,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: colyambus@yandex.ru*

**О РОЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ АКТОВ В СИСТЕМЕ
ИСТОЧНИКОВ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ДЕЛЕГИРОВАНИИ
ОРГАНАМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПОЛНОМОЧИЙ
ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ПРАВ ГРАЖДАН**

В статье рассматривается роль интерпретационных актов в системе источников права. Отмечается, что акты официального толкования самостоятельными источниками не являются и могут использоваться только в качестве косвенных. Это сближает их с юридической доктриной, с одной стороны, и правосознанием, с другой. Особое внимание уделяется правовым позициям высших судов, которые, формально не будучи юридическими источниками права, тем не менее оказывают определяющее воздействие на всю систему права. Также в работе акцентируется внимание на распространительном толковании федеральным законодателем ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в результате чего возникает вопрос о фактическом формировании в России института делегированного законодательства, что, несмотря на имеющийся зарубежный опыт, представляется весьма неоднозначным.

Ключевые слова: толкование права, интерпретационный акт, правовые позиции, юридическая доктрина, революционное правосознание, делегированное законодательство.

*Teteryatnikov Nikolay Yurevich,
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia,
PhD in Law*

**THE ROLE OF INTERPRETATIVE ACTS IN THE SYSTEM OF SOURCES OF
LAW AND LEGISLATIVE DELEGATION TO THE EXECUTIVE AUTHORITIES
OF THE POWERS TO RESTRICT THE RIGHTS OF CITIZENS**

The article considers the role of interpretative acts in the system of sources of law. It is noted that acts of official interpretation are not independent sources and can only be used as indirect ones. This brings them closer to the legal doctrine, on the one

hand, and the legal consciousness, on the other. Special attention is paid to the legal positions of the higher courts, which, while not formally being legal sources of law, nevertheless have a decisive impact on the entire system of law. The paper also focuses on the widespread interpretation by the federal legislator of Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation, which raises the question of the actual formation of the institution of delegated legislation in Russia, which, despite the existing foreign experience, is very ambiguous.

Key words: interpretation of law, interpretative act, legal positions, legal doctrine, revolutionary legal consciousness, delegated legislation.

Толкование права – один из трёх основных видов правовой, точнее юридической, деятельности, наряду с правотворчеством, т. е. с тем, с чего право как единственный общеобязательный социальный регулятор, собственно, и начинается; а также реализацией права – тем, что являет собой воплощение правовых предписаний, юридических норм в жизнь в фактическом поведении субъектов права.

Как водитель, например таксист, представляет собой связующий элемент между автомобилем – средством передвижения – и вождением, т. е. доставкой пассажиров к месту назначения, так и толкование права есть промежуточное звено между созданием правовых предписаний – правотворчеством (представлением законодателя о том, каким образом должны быть упорядочены отношения между различными социальными субъектами) и реализацией права – превращением задуманного правотворцем в то, что именуется правопорядком.

При этом толкование права – интеллектуальная деятельность, умственный труд. Суть интерпретации правовых предписаний состоит в адаптации абстрактных, в некотором роде универсальных норм права к конкретным жизненным ситуациям, в которых с завидной регулярностью оказывается каждый человек.

Может быть именно поэтому официальным толкованием права всегда занимается весьма ограниченный круг лиц. Даже доктринальное толкование, напомним, в России никогда не относилось и не относится к официальному. Ведь судьи высших судов – как Конституционного, так и Верховного – выступают в своей профессиональной деятельности не столько учёными-правоведами, сколько в качестве должностных лиц. А особое мнение судей Конституционно-

го Суда Российской Федерации с ноября 2020 года не подлежат официальному обнародованию вовсе¹.

Вместе с тем без толкования права обойтись невозможно – как нельзя обойтись без моторного масла в автомобильном двигателе, если есть цель сколь-нибудь переместиться в пространстве. Люди – законодатели, правоприменители и обычные граждане – наделены не только волей, имеющейся у всех прочих животных, но и сознанием, определяющим то, как мы себя ведём в тех или иных обстоятельствах и ситуациях.

Толкование права – интеллектуальная деятельность интерпретаторов, разъясняющих в меру сил и способностей задумки одних (законодателей и иных правотворцев) другим (субъектам реализации права), влияющая через сознание на правовое поведение и сподвигающая действовать определённым образом в сфере правового регулирования.

Интерпретационно-правовая деятельность – тонкий инструмент. Тот самый случай, когда метод убеждения существенно действеннее метода принуждения. Ибо толкование права, прежде всего, имеет целью убедить в разумности, а также целесообразности существующих правовых запретов, юридических обязанностей и законодательных дозволений.

При всём при этом есть целый комплекс проблем использования толкования права для успешного и эффективного правового регулирования общественных отношений. В первую очередь, это существующая в настоящее время неопределённость роли толкования права в целом и интерпретационных актов в частности в системе наличествующих юридических источников права, прежде всего, конституционного права. Во вторую очередь, это излишне распространительное (расширительное) толкование части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, которое себе позволяет нынешний законодатель в лице обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации, в результате чего волей-неволей возникает вопрос о постепенном формировании в современной России такого политико-правового явления, как делегированное законодательство, что, несмотря на имеющийся зарубежный опыт, представляется весьма неоднозначным, по крайней мере, с точки зрения принципа разделения властей, закреплённого в статье 10 Конституции Российской Федерации.

Итак, проблема первая.

Теория права знает лишь шесть основных юридических источников права, выработанных человечеством за всю историю его существования. А точнее

---

¹ Госдума запретила судьям Конституционного суда публиковать особое мнение // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/10/2020/5f97dfe09a7947217a501a73> (дата обращения: 15.05.2021).

– за последние шесть тысяч лет, в течение которых право не только возникло, но и развилось до современных форм. Это – в хронологическом порядке происхождения – правовой обычай, религиозно-правовая догма, издаваемый в одностороннем порядке нормативно-правовой акт, юридическая доктрина, правовой прецедент, нормативно-правовой договор.

При этом указанные формы права, за исключением юридической доктрины, породили правовые системы – каждый свою. Так, на основе правовых обычаев сложился такой вид правовых систем, как традиционная. На основе религиозно-правовой догмы – религиозно-правовая, например, мусульманская правовая система. В основе романо-германской (континентальной) системы права лежит нормативно-правовой акт. Правовой – прежде всего, судебный – прецедент произвел на свет англо-саксонскую (англо-американскую) правовую систему – систему островного права. Даже нормативно-правовой договор образовал наднациональный вид правовых систем – международно-правовую систему. И только юридическая доктрина ни в одной стране мира не выступила в качестве базового юридического источника права – она используется только как вспомогательная форма права наряду с какой-либо основной – нормативно-правовым актом либо религиозно-правовой догмой.

Как видится, это обусловлено тесной связью толкования права и юридической доктрины, представляющей собой по большей части весьма вольную интерпретацию уже существующих правовых предписаний общего характера применительно к типичным условиям их применения. Юридическую доктрину в некотором роде можно даже рассматривать в качестве системы положений, выведенных на основе толкования наиболее общих принципов права. Именно такой подход к изложению юридической доктрины прослеживается от древнеримских Институций Гая (160–162 гг.), легших в 529 г. в основу Институций Юстиниана, которые, в свою очередь стали, составной частью кодификации *Corpus Iuris Civilis* – Свода гражданского права¹, до иджмы в современном мусульманском праве².

В отечественной юриспруденции толкование права в целом и интерпретационные акты как акты официального толкования в частности рассматриваются в лучшем случае в качестве косвенных либо вторичных источников права, конкретизирующих и в какой-то степени дополняющих действующее законода-

---

¹ См.: Институции Гая – *Gai Institutionum commentarii quattuor* / пер. с лат., коммент.; под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М.: Статут, 2020. 384 с.

² См.: Мумиса М. Институт иджмы: генезис и перспективы // Централизованная религиозная организация Духовное управление мусульман Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://dumrf.ru/islam/theology/9161> (дата обращения: 15.05.2021).

тельство. И даже такие интерпретационные акты, как постановления Конституционного Суда Российской Федерации, разъясняющие отдельные положения Конституции России, не являются в полной мере самостоятельными правовыми актами, а лишь используют юридическую силу конституционных норм. Изъятие соответствующих положений Конституции, например, при внесении в ее текст поправок, приводит к автоматической утрате силы разъясняющих их постановлений Конституционного Суда.

Вместе с тем помимо актов официального толкования в последние 20–25 лет в качестве юридических источников права в России всё чаще рассматриваются правовые позиции высших судов (с 1997 г. в научной литературе, с 1998 г. – в правовых актах). Это связано, в частности, с тем, что в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 300-О, указано, что правовые позиции имеют общеобязательный характер.

При этом правовые позиции – весьма условны и относительны. Они не являются ни правовыми прецедентами как источниками права, ни нормами права, ни – тем более – нормативно-правовыми актами.

Правовые позиции, будучи системой юридических аргументов, составляют основу решений высших судов по существу рассматриваемых дел, являясь логико-правовым результатом интерпретации буквы и духа Конституции России¹ или иного весьма значимого документа. Представляя собой отношение высшего суда к содержанию рассматриваемых им норм (в результате их истолкования), правовые позиции этого органа публичной власти нередко весьма существенно меняются с течением времени – вплоть до прямо противоположных.

Так, в постановлении от 18 января 1996 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» Конституционный Суд Российской Федерации признал противоречащей Конституции России процедуру, при которой глава субъекта Российской Федерации не избирается на основе прямого волеизъявления граждан, а определяется иным образом. Однако спустя 9 лет в постановлении от 21 декабря 2005 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Феде-

---

¹ В постановлении Конституционного Суда РФ от 20 марта 2000 г. № 5-П указывается: «Конституционный Суд Российской Федерации при разрешении дел о конституционности нормативного правового акта принимает решения, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе законодательства»; «Проверка конституционности осуществляется на основе оценки смысла рассматриваемого акта с тем, чтобы исключить его применение и истолкование в смысле, противоречащем Конституции».

рального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" в связи с жалобами ряда граждан» тот же Конституционный Суд не усмотрел несоответствия Конституции России положения о том, что глава субъекта Российской Федерации назначается по представлению Президента России законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Сколь бы ни казалось странным следующее сравнение, но правовые позиции высших судов – Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда США и т. п. – принципиально ничем не отличаются от такого источника права столетней давности нашей страны, как революционное правосознание¹, которое было закреплено наряду с революционной совестью в п. 5 декрета СНК от 22 ноября 1917 г. № 1 «О суде». А ведь любые виды коллективного (группового, массового, общественного) правосознания – будь то революционное правосознание или правовые позиции высших судов – это всегда результат толкования права как процесса уяснения правовых принципов и норм права определённой группой лиц. Правильно ли то, что толкование права и его производные, такие как правосознание, правовые позиции, рассматриваются в качестве юридических источников права, – вопрос. Не зря же в Соединенных Штатах существует ироническая поговорка, согласно которой Конституция США – это не текст, написанный более 200 лет назад, а то, что сегодня назовёт Конституцией Верховный Суд.

Ещё одной серьёзной проблемой, тесно связанной с толкованием права, является использование законодателем бланкетных норм, когда авторы законов вместо самостоятельного урегулирования спорных правоотношений делегируют осуществить это представителям исполнительной власти в их подзаконных актах. Применительно к российским реалиям это, прежде всего, касается положения части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, предусматривающего возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом.

Однако как быть, если федеральный закон, призванный ограничить некоторые права и свободы граждан, содержит бланкетную норму, отсылающую к подзаконному акту, правила которого непосредственным образом ограничивают субъективные права личности?

---

¹ См.: *Максимова О. Д.* Революционное правосознание как источник советского права и законодательства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (47): в 2 ч. Ч. II. С. 88–94.

Например, Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» в части 4 статьи 24 обязывает участников дорожного движения, то есть пешеходов, водителей, пассажиров, выполнять не только требования его норм, но и «издаваемых в соответствии с ним нормативно-правовых актов в части обеспечения безопасности дорожного движения». Упомянутые здесь «нормативно-правовые акты» – это, прежде всего, соответствующие приказы МВД России и, конечно, Правила дорожного движения, утвержденные постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090.

Пункт 2.7 Правил дорожного движения запрещает водителю «пользоваться во время движения телефоном, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук». Этот запрет, имеющий целью защиту прав, свобод, законных интересов, жизни и здоровья граждан, фактически ограничивает право собственности водителя в части возможности пользоваться мобильным телефоном. При этом данное ограничение введено не федеральным законом, как это дословно предусмотрено Конституцией России, а подзаконным актом, являющимся, по сути, документом органа исполнительной власти, принятым в соответствии с федеральным законом, – законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ.

Другой пример – Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"», который дополнил базовый закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ статьей 12²; в её части 1 устанавливается, что «просветительскую деятельность вправе осуществлять физические лица... при соблюдении требований предусмотренных настоящим... законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации», а часть 3 прямо закрепляет, что «порядок, условия и формы осуществления просветительской деятельности... устанавливается Правительством Российской Федерации».

Проект соответствующего постановления Правительства России уже подготовлен¹. Пункт 5 данного проекта предусматривают запрет на осуществление просветительской деятельности для несовершеннолетних. Это бесспорная попытка ограничения прав личности, которую планируется осуществить хоть и со

---

¹ Проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения об осуществлении просветительской деятельности» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=115396> (дата обращения: 15.05.2021).

ссылкой на закон «Об образовании в Российской Федерации» в новой редакции, но не столько в соответствии с ним, сколько в соответствии с подзаконным актом – постановлением Правительства Российской Федерации.

Насколько такое положение дел, когда закон предусматривает возможность ограничения прав граждан, но сам их не ограничивает, перекладывая это на уровень подзаконных актов, соответствует букве и духу части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, – вопрос открытый, поскольку наличие в современной России института делегированного законодательства ставится под аргументированное сомнение большинством отечественных правоведов¹. Вместе с тем мировая практика знает примеры подобного делегирования правотворческих полномочий от органов законодательной власти органам власти исполнительной².

Лучшее, что мог бы сделать российский законодатель в сложившейся ситуации, это перенести нормы, ограничивающие права граждан, из подзаконных актов органов исполнительной власти в тексты самих законов, а также отказаться от практики использования бланкетных норм, отсылающих к подзаконным нормативным правовым актам. Подобные изменения отечественного законодательства необходимы, прежде всего, для устранения сомнений в конституционности положений подзаконных актов, ограничивающих права и свободы граждан, а также для снятия вопроса о соответствии части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации правотворческой деятельности в виде делегирования законодательных полномочий по ограничению прав личности от парламента исполнительной власти.

Список литературы

1. *Белых В. С.* Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: монография / В. С. Белых. – Москва: Проспект, 2017. – 208 с.

---

¹ См., например: *Дементьев А. Н., Дементьева О. А., Бондарь В. Н.* Экспертиза нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации: монография / под ред. А. Н. Дементьева. М.: НОРМА, 2020. 232 с.; *Дробот С. Е.* Президент РФ и Федеральное собрание: некоторые аспекты разделения и взаимодействия властей в законодательной сфере // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 8. С. 25–30; *Трубилев Г. В.* Проект реформы российского парламентаризма: взаимоотношения парламента с исполнительной властью и населением // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 43–48.

² См., в частности: *Белых В. С.* Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2017. 208 с.; *Макарушкова А. А., Соловьева И. В.* Сравнительно-правовой анализ современных источников гражданского права России, Франции и Германии // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 149–161.

2. Госдума запретила судьям Конституционного суда публиковать особое мнение // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/10/2020/5f97dfe09a7947217a501a73> (дата обращения: 15.05.2021).

3. *Дементьев А. Н.* Экспертиза нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации: монография / А. Н. Дементьев, О. А. Дементьева, В. Н. Бондарь; под ред. А. Н. Дементьева. – Москва: НОРМА, 2020. – 232 с.

4. *Дробот С. Е.* Президент РФ и Федеральное собрание: некоторые аспекты разделения и взаимодействия властей в законодательной сфере / С. Е. Дробот // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 8. – С. 25–30.

5. Институты Гая – *Gai Institutionum commentarii quattuor* / пер. с лат., коммент.; под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. – Москва: Статут, 2020. – 384 с.

6. *Макарушкова А. А.* Сравнительно-правовой анализ современных источников гражданского права России, Франции и Германии / А. А. Макарушкова, И. В. Соловьева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 12. – С. 149–161.

7. *Максимова О. Д.* Революционное правосознание как источник советского права и законотворчества / О. Д. Максимова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9 (47): в 2 ч. – Ч. II. – С. 88–94.

8. *Мумиса М.* Институт иджмы: генезис и перспективы [Электронный ресурс] // Централизованная религиозная организация Духовное управление мусульман Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <http://dumrf.ru/islam/theology/9161> (дата обращения: 15.05.2021).

9. *Трубилов Г. В.* Проект реформы российского парламентаризма: взаимоотношения парламента с исполнительной властью и населением / Г. В. Трубилов // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 7. – С. 43–48.

*Баширова Сабрина Гейдарали кызы,
курсант Уральского юридического института МВД России
e-mail: amaliya.alieva.02@mail.ru*

ПОПРАВКИ 2020 ГОДА К КОНСТИТУЦИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАЧИНАЮЩЕГО ПРАВОВЕДА

В данной статье раскрываются различные мнения компетентных специалистов относительно поправок к Конституции в 2020 г., а также выражается собственное мнение. В статье рассматриваются поправки в сравнительном аспекте, сравниваются различные подходы к рассмотрению изменения содержания и добавления новых положений. Положения, полученные при исследовании, позволяют сделать вывод о плюрализме мнений и убеждений касательно норм Конституции.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, поправки к Конституции, основы конституционного строя.

*Bashirova Sabrina Heydarali kyzy,
cadet of the Ural Law Institute Ministry of Internal Affairs of the Russia*

2020 CONSTITUTIONAL AMENDMENTS: INTERPRETATIONS OF AN ASPIRING LAWYER

This article reveals the various opinions of competent specialists regarding the amendments to the constitution in 2020, and also expresses their own opinion. The article discusses the amendments in a comparative aspect, compares different approaches to considering changes in content and adding new provisions. The provisions obtained in the study allow us to draw a conclusion about the pluralism of opinions and beliefs regarding the norms of the Constitution.

Key words: Constitution of the Russian Federation, amendments to the Constitution, foundations of the constitutional order.

Критерием эффективности основного закона государства является его неизменность и сохранность, поэтому отсутствие систематических поправок и пересмотров положений, закрепленных изначально, является гарантом уникальности и развитости общественных отношений. Еще в июне 2003 г. Президент Российской Федерации отметил: «Мы должны бережно относиться к Конституции нашей страны. Не позволять ее менять по вкусу тех людей, которые в данный момент оказались у власти. К ней надо бережно относиться. Я катего-

рически против ее изменения»¹. Тем не менее, в июле 2020 г. в Конституцию были внесены многочисленные поправки.

Порядок внесения поправок в Конституцию регламентируется девятой главой первого раздела Конституции Российской Федерации. Сам процесс внесения поправок предусматривает особый порядок. Поправки в 2020 г. были предложены президентом Владимиром Путиным в послании Федеральному собранию 15 января 2020 г. и реализованы в качестве Закона о поправке от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». 1 июля 2020 г. было проведено всенародное голосование, на котором 77,92 % граждан проголосовали за поправки.

Причинами внесения такого значительного количества поправок в большей степени стало не столько несовершенство Конституции 1993 г., сколько уточнение и дополнение некоторых ее аспектов.

По мнению доктора юридических наук Владимира Цвиля, самыми бесспорными во всем пакете предложений являются недопустимость для высших должностных лиц наличия иностранного гражданства, вида на жительство либо иного документа, который позволяет постоянно проживать на территории другого государства, а также ценза оседлости для президента. «Не менее стратегически важным является предложение о закреплении в Конституции принципа единой системы публичной власти в целях построения эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами. Очевиден и положительный эффект от назначения прокуроров регионов по итогам консультаций с Советом Федерации, что позволит повысить независимость органов прокуратуры»². В результате анализа данной позиции следует выразить согласие с необходимостью ужесточения требований к государственным служащим, что может быть действенным средством в борьбе против коррупции и недопущении некомпетентных и недостойных лиц в органы власти.

Рассуждая о разнообразии мнений относительно поправок, можно сделать вывод о том, что граждане Российской Федерации разделились на две группы: те, кто «за», и те, кто «против». В частности, согласие с Президентом РФ выразил главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного

---

¹ Путин: «Мы должны бережно относиться к Конституции нашей страны» // РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 19.04.2021).

² Павлова З. С., Кузнецов Г. С. Адвокаты и юристы прокомментировали предложения Президента РФ о поправках в Конституцию [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 20.04.2021).

университета доктор юридических наук Александр Чертков в том, что потенциал Конституции далеко не исчерпан, но некоторые конституционные поправки важны для развития России. «Прежде всего давно назрела необходимость закрепления в Конституции принципа единства системы публичной власти. Доктринально данный принцип формулировался и отстаивался в российской науке, обретение им конституционного закрепления можно только приветствовать»¹. Наше мнение по данному вопросу аналогично, однако имеются и противоположные позиции, которые имеют право на существование. Так, некоторые политические деятели считают, что поправки в большей степени направлены не на развитие государственности граждан, а на расширение полномочий Президента.

Для того чтобы разобраться в причинах разных мнений касательно поправок к Конституции, стоит рассмотреть некоторые поправки и соотнести их с мнением экспертов в контексте нормативных правовых актов, регламентирующих данные вопросы.

Под критику экспертов попали и изменения, которые запрещают баллотироваться в президенты россиянам, которые имели гражданство или вид на жительство в другой стране. Эти нововведения нарушают положения ст. 32 Конституции. В ч. 3 этой статьи установлен закрытый перечень ограничений избирательных прав граждан, но туда не входит наличие заграничного гражданства или вида на жительство².

Проанализировав ч. 3 ст. 132, согласно которой «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в РФ», приходим к выводу о том, что данное положение не в полной мере соотносится со ст. 12 Основного закона страны. Глава 1 Конституции свидетельствует о том, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, а его институты «не входят в систему органов государственной власти».

С принятием поправок МРОТ не может быть ниже прожиточного минимума. Данную поправку также следует оценить положительно, ведь фактически это право работников часто нарушалось, в том числе и в связи с правом субъектов Российской Федерации самостоятельно устанавливать размер оплаты труда, которая может быть ниже прожиточного минимума.

Брак – союз мужчины и женщины. Согласно п. «ж» ч. 1. ст. 72 брак могут зарегистрировать лишь разнополые люди. Данная поправка вызвала большое

---

¹ Там же.

² Малаховский А. Поправки к Конституции: всем и никому [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru> (дата обращения: 25.06.2021).

возмущение у защитников и представителей сообществ нетрадиционных ориентаций. При этом «...основной смысл – это не борьба с ЛГБТ-сообществом, а защита института семьи как союза мужчины и женщины. Я тоже придерживаюсь мнения, что усыновлять детей однополым родителям нельзя»¹, – утверждает глава Медиагруппы «Патриот» Николай Столярчук. В контексте сохранения исторического значения семейных ценностей вряд ли можно признать иную позицию имеющей право на существование, от этого зависит существование самого человечества. В части усыновления и воспитания детей людьми одного пола также имеются разнообразные позиции. Статистика, которую огласила уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Анна Кузнецова, указывает, что более 5 миллионов из 17 миллионов российских семей – это семьи с матерями-одиночками. В большинстве случаев, матери воспитывают своих детей вместе с бабушками, что является якобы констатацией факта воспитания двумя родителями одного пола. Однако наличие четкого разграничения степеней родственных связей «бабушка» и «мама», а не «родитель № 1 и № 2», является в данном случае основополагающим аргументом против наличия в семье родителей одного пола. Конечно, законодательство не запрещает существовать однополым отношениям, однако воспитание ребенка в однополной семье недопустимо. Сказанное позволяет считать данную поправку в Конституции гарантом сохранения исторических ценностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что Конституция – это стабильная, но не статичная законодательная конструкция. Не просто основной закон, а, по сути, дорожная карта, которая координирует движение России в будущее. С момента, когда действующая Конституция была принята, изменилась не только страна, но и мир, окружающий нас. Нестабильная и сложная внешнеполитическая ситуация, чрезвычайно высокий уровень угроз национальной безопасности, нивелирование традиционных семейных ценностей, пересмотр и фальсификация ключевых исторических событий, связанных с нашей страной, не могли не породить ответной реакции. Статистика референдума показала, что большая часть граждан России положительно отреагировала на изменения, а следовательно, необходимость таких положений присутствовала. Целью данных поправок являлось совершенствование действующего законодательства и уточнение регулирования общественных отношений и прав органов власти.

---

¹ См.: О поправке к ст. 72 Конституции РФ («Брак как союз мужчины и женщины») [Электронный ресурс]. URL: <https://compas.info> (дата обращения: 29.04.2021).

Список литературы

1. *Малаховский А.* Поправки к Конституции: всем и никому [Электронный ресурс] / А. Малаховский. – URL: <https://pravo.ru>
2. О поправке к ст. 72 Конституции РФ («Брак как союз мужчины и женщины») [Электронный ресурс]. – URL: <https://compas.info>
3. *Павлова З. С.* Адвокаты и юристы прокомментировали предложения Президента РФ о поправках в Конституцию [Электронный ресурс] / З. С. Павлова, Г. С. Кузнецова // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru>
4. Путин: «Мы должны бережно относиться к Конституции нашей страны» [Электронный ресурс]. // РИА «Новости». – URL: <https://ria.ru>

*Рукавишникова Галина Александровна,
курсант Уральского юридического института МВД России
e-mail: 9089133977@mail.ru*

**ОГРАНИЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН
НА ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В ПЕРИОД
РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)**

В настоящей статье рассмотрен правовой аспект регулирования одной из мер противозидемических мероприятий – обязательной вакцинации граждан Российской Федерации от коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, ограничение прав и свобод, обязательная вакцинация, новая коронавирусная инфекция (COVID-19).

*Rukavishnikova Galina Aleksandrovna,
cadet Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

**RESTRICTION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS
TO PERSONAL INVIOABILITY DURING THE SPREAD
OF CORONAVIRUS INFECTION (COVID-19)**

This article considers the legal aspect of regulating one of the measures of anti-epidemic measures – mandatory vaccination of citizens of the Russian Federation against coronavirus infection.

Key words: Constitution of the Russian Federation, restriction of rights and freedoms, mandatory vaccination, new coronavirus infection (COVID-19).

В 2020 году на территории Российской Федерации начала свое распространение новая коронавирусная инфекция или Covid-19. В связи с быстрым ростом количества заболевших людей и увеличением случаев с летальным исходом Президентом Российской Федерации был подписан Указ от 2 апреля 2020 г. № 239, который наделил высших должностных лиц субъектов РФ правом на принятие ограничительных мер, направленных на предотвращение распространения коронавирусной инфекции¹.

Первым субъектом, в котором произошло введение режима повышенной готовности, стала Амурская область: 27 января 2020 г. губернатором области

---

¹ О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217/ (дата обращения: 07.05.2021).

В. А. Орловым было издано распоряжение № 10-р¹. После этого режим повышенной готовности был объявлен в Ярославской области – 7 февраля 2020 г., в Республике Бурятия – 10 февраля 2020 г., в городе федерального значения Москве – 5 марта 2020 г. Менее чем за два месяца законодательные органы всех субъектов Российской Федерации ввели на своей территории режим повышенной готовности².

Установление данного режима в стране повлекло за собой введение некоторых ограничений конституционных прав и свобод граждан. Но стоит отметить, что часть из них, по нашему мнению, не в полной мере соответствует той допустимой степени ограничения, которая прописана в ст. 55 и 56 Конституции РФ³.

Согласно ст. 55 Конституции РФ, ограничение конституционных прав и свобод допускается только на основании федерального закона. Ст. 56 указывает на перечень прав и свобод, ограничение которых недопустимо. В этой же статье говорится об отдельном ограничении прав и свобод, устанавливаемых федеральным конституционным законом в период введения в стране чрезвычайного положения.

Стоит отметить, что в связи с ухудшением эпидемиологической обстановкой в России не был введен ни режим чрезвычайной ситуации, ни чрезвычайное положение. Произошло введение лишь режима повышенной готовности, который не предполагает ограничение прав и свобод человека и гражданина. Поэтому определение непосредственно режима повышенной готовности как основного механизма в законодательстве, способного регулировать и определять ограничения и дополнительные обязанности граждан Российской Федерации, в условиях ухудшения эпидемиологической обстановки действительно не представляется очевидным.

Тем не менее, все нормативно правовые акты, ограничивающие права и свободы граждан РФ, введенные в период режима повышенной готовности, условно можно разделить на две группы: первая группа касается прав и свобод, ограничение которых допустимо в соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, а вторая – ограничение которых согласно данной части статьи недопустимо.

---

¹ О введении режима повышенной готовности: распоряжение Губернатора Амурской области от 27 января 2020 г. № 10-р. URL: <https://base.garant.ru/73500057/> (дата обращения: 07.05.2021).

² Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349932/ (дата обращения: 07.05.2021).

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. [Электронный источник]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.05.2021).

Примерами нормативно-правовых актов, относящихся ко второй группе, являются постановление Главного государственного санитарного врача по г. Москве от 15 июня 2021 г. № 1¹ и аналогичные постановления, вынесенные и в других субъектах РФ, например в Калининградской области².

Данные постановления обязали около 60 % из числа работающего населения пройти процедуру вакцинации от коронавирусной инфекции. Следует отметить, что принуждение к обязательной вакцинации непосредственно ограничивает права и свободы граждан, закрепленные в Основном законе страны, а именно: право на личную неприкосновенность и право на неприкосновенность частной жизни (ст. 22 и 23 Конституции РФ).

На практике оказалось, что отказ от вакцинации допустим лишь при наличии справки о присутствии в организме у человека определенного количества антител, а также при ином предусмотренном в законодательстве медицинском противопоказании, перечень которых закреплен в Письме Минздрава РФ от 15 января 2021 г.³

Кроме того, еще в апреле 2020 года в КоАП РФ было внесено изменение, согласно которому невыполнение санитарно-гигиенических мероприятий и предписаний санитарных врачей влечет за собой наложение административного штрафа в размере нескольких тысяч рублей⁴.

Но согласно данным, предоставленным на официальном сайте российского государственного информационного агентства ТАСС, указанная выше юридическая ответственность налагается лишь на работников, чья профессия имеет высокий риск заражения, но точный перечень таких профессий в законодательстве не предусмотрен⁵.

---

¹ О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям: постановление Главного государственного санитарного врача по г. Москве от 15 июня 2021 г. № 1 [Электронный источник]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400799739/> (дата обращения: 07.05.2021).

² О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям: постановление Главного государственного санитарного врача по Калининградской области от 23 июня 2021 г. № 12 [Электронный источник]. URL: <http://39.rosпотребнадзор.ru/content/postanovlenie-glavnogo-gosudarstvennogo-sanitarnogo-vracha-po-kaliningradskoy-oblasti-ot-3> (дата обращения: 07.05.2021).

³ Порядок проведения вакцинации против COVID-19 взрослому населению: письмо Министерства здравоохранения РФ от 15 января 2021 г. № 1/И/1-155 «О стандартной операционной процедуре». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 07.05.2021).

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.05.2021).

⁵ Роспотребнадзор пояснил, кого коснутся штрафы за отказ от вакцинации в проекте нового КоАП [Электронный ресурс]. М., 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8606149> (дата обращения: 09.05.2021).

На сегодняшний день, согласно Приказу Минздрава России от 21 марта 2014 г. № 125н¹, прививка от Covid-19 входит в число профилактических прививок, а значит и порядок вакцинации должен проходить в соответствии с Федеральным законом от 17 сентября 1998 г. № 157².

Также, так как вакцинация предполагает собой медицинское вмешательство, то согласно от Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323 должно быть добровольное согласие гражданина, но в п. 9 ст. 20 настоящего закона закреплены ситуации, когда вакцинация может быть произведена в принудительном порядке, например для лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, но в данном случае получается, что принудительная вакцинация может быть только лиц, страдающих коронавирусной инфекцией³.

И из этого получается, что постановления санитарных врачей, действующие на территориях субъектов РФ, не в полной мере соответствуют федеральному закону, а значит и в некоторой степени отличаются от положений Конституции Российской Федерации.

Также следует отметить, что при отсутствии прививки от Covid-19 для граждан РФ в некоторых регионах страны устанавливается ряд определенных ограничений, например:

- временное отстранение от работы или отказ в приеме на работу в некоторые организации;
- отказ в получении плановой медицинской помощи, а также отказ в приеме в оздоровительные учреждения;
- запрет на посещение образовательных организаций;
- запрет на посещение ресторанов и заведений общественного питания;
- запрет на въезд в некоторые территории страны;
- запрет на посещение кинотеатров и театров;
- отказ в личном приеме к мировым судьям.

Для проверки наличия прививки от коронавируса на территории Российской Федерации стали вводить специальные QR-коды. Получить такой код можно на официальном портале государственных услуг. При сканировании

---

¹ Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям: приказ Министерства здравоохранения РФ от 21 марта 2014 г. № 125н. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 07.05.2021).

² Об иммунопрофилактике инфекционных болезней: Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.05.2021).

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.05.2021).

данного кода выдается информация о выданном сертификате о поставленных прививках, а также информация о его подлинности¹.

Следует отметить, что пользование такими QR-кодами возможно только при наличии электронного устройства, но, исходя из данных Федеральной службы государственной статистики, в Российской Федерации насчитывается порядка 45 миллионов людей пенсионного возраста, из которых примерно 35 миллионов – это люди преклонного возраста, у которых может отсутствовать электронное устройство, а следовательно, и возможность предъявления QR-кода².

Поэтому мы считаем введение данных QR-кодов весьма нецелесообразным и не продуманным в полной мере, а также неудобным в связи с отсутствием у некоторых слоев населения возможностей на само получение и использование таких кодов.

Также в качестве исторического опыта, касающегося принудительной вакцинации, хотелось бы привести пример из истории США. Так, в 1809 году, в период эпидемии оспы, в штате Массачусетс был принят закон об обязательной вакцинации граждан, что вызвало недовольство со стороны населения. И многие граждане обратились в суд с тем, что обязательное вакцинирование нарушает их «право на жизнь, свободу и стремление к счастью», закрепленное в Конституции США³.

В результате массового обращения граждан в суды в семи штатах закон об обязательной вакцинации признали не соответствующим Конституции, и он утратил свою силу⁴.

Данный пример, основанный на историческом опыте США, дает нам понять, что не следует принуждать граждан Российской Федерации к вакцинации, так как это в определенной степени ограничивает их естественные права и свободы.

Подводя итоги, следует сказать, что такая правовая норма, как обязательная вакцинация от коронавирусной инфекции, направлена на обеспечение безопасности общества, здоровья населения, но видится в некоторой степени дис-

---

¹ Сертификат о вакцинации COVID-19 [Электронный ресурс]. М., 2021. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/sertifikat_o_vakcinacii_covid19/100476 (дата обращения: 07.05.2021).

² Общая численность пенсионеров в Российской Федерации [Электронный ресурс]. М., 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877?print=1> (дата обращения: 07.05.2021).

³ Декларация независимости США от 4 июля 1776 г. [Электронный источник]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm> (дата обращения: 07.05.2021).

⁴ Принудительная вакцинация в Массачусетсе в XIX веке [Электронный ресурс]. М., 2020. Доступ из Medalternativa.info// URL: <https://www.bbc.com/russian/features-57605355> (дата обращения: 07.05.2021).

куSSIONНОЙ с точки зрения ограничения прав и свобод человека и гражданина. Поэтому мы предлагаем закрепить в законодательстве РФ запрет на любое принуждение со стороны должностных лиц и государственных органов относительно вакцинации от Covid-19.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

2. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217/

3. О введении режима повышенной готовности: Распоряжение Губернатора Амурской области от 27 января 2020 г. № 10-р [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/73500057/>

4. О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям: Постановление Главного государственного санитарного врача по г. Москве от 15 июня 2021 г. № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400799739/>

5. О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям: постановление Главного государственного санитарного врача по Калининградской области от 23 июня 2021 г. № 12 [Электронный ресурс]. – URL: <http://39.rospotrebnadzor.ru/content/postanovlenie-glavnogo-gosudarstvennogo-sanitarnogo-vracha-po-kaliningradskoy-oblasti-ot-3>

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/document/>

Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям: приказ Министерства здравоохранения РФ от 21 марта 2014 г. № 125н [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/70647158/>

7. Об иммунопрофилактике инфекционных болезней: Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20315/

8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

9. Декларация независимости США от 4 июля 1776 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гусев А. В.</i> Конституционные основы юрисдикционного статуса иностранных граждан в Российской Федерации	3
<i>Бабченко Ю. А.</i> Международное сотрудничество МВД России: актуальные проблемы правоприменения	11
<i>Мустафин Д. Х.</i> Гражданский контроль за деятельностью органов публичной власти в сфере обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в России	17
<i>Ерыгина В. И.</i> Выявление парламентских традиций в теории и практике регулирования отношений в сфере народного представительства	21
<i>Капанова Ю. В.</i> О конституционных правах, ограничиваемых при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении	28
<i>Коваленко В. В.</i> К вопросу о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации в период действия мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции	37
<i>Новосельцева Е. В.</i> Новое в соотношении международного и национального права в контексте поправок в Конституцию РФ	41
<i>Первухин А. С.</i> Прецедентное значение актов высших судебных инстанций в Российской Федерации	46
<i>Сабурова А. А.</i> Соблюдение прав иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих передаче в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии	54
<i>Осинцев Д. В.</i> Культурный код российской Конституции и перспективы юридических исследований	62
<i>Тепляков И. И.</i> Актуальные направления научных исследований в сфере конституционного права в контексте современного механизма государственной научной аттестации	78
<i>Тетерятников Н. Ю.</i> О роли интерпретационных актов в системе источников права и законодательном делегировании органам исполнительной власти полномочий по ограничению прав граждан	89
<i>Баширова С. Г. кызы</i> Поправки к конституции 2020: интерпретации начинающего правоведа	98
<i>Рукавишников Г. А.</i> Ограничение конституционного права граждан на личную неприкосновенность в период распространения коронавирусной инфекции (Covid-19	103

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Сборник научных трудов

Электронное издание

Редактура, компьютерная верстка *С. А. Коршуновой*

Заказ № 64

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66